

МОНИКА ПИЦ

Ночь лазурных сов

Сердце времени

Моника Пиц

Ночь лазурных сов

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Пиц М.

Ночь лазурных сов / М. Пиц — «Эксмо», 2019 — (Сердце времени)

ISBN 978-5-04-110070-4

Лине с трудом удастся вернуться к прежней жизни: как ей забыть Данте, юношу с разноцветными глазами, пленившего ее сердце? Но связь с ним потеряна, а путешествия во времени вызвали необратимые последствия. Злосчастный хронометр, словно яд, разрушает девушке жизнь. Выход один – уничтожить устройство и навсегда забыть о существовании Невидимого города. Лина решает поручить эту миссию Бобби, но та не упускает шанса испытать силу часов и невольно активирует их механизм. Теперь, чтобы спасти лучшую подругу, Лине необходимо отправиться в далекое прошлое, но на этот раз помощи ждать не от кого, и девушка может полагаться лишь на себя...

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-110070-4

© Пиц М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Ранее	6
1	8
2	10
3	13
4	15
5	18
6	20
7	22
8	25
9	27
10	29
11	34
12	36
13	40
14	43
15	46
16	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Моника Пиц

Ночь лазурных сов

*Посвящается Маттису;
Линнее, Фене и Ананди;
Ханнесу и Эмилю;
Софи и Бенджамину.
А Геррит и Гертъе с удовольствием
заглянут внутрь.*

Ранее

В глубине души Лина всегда чувствовала, что она другая. С тех пор как погибли ее родители, она жила с тетей и двумя маленькими кузинами, которые регулярно выводили ее из себя. Так же, как школа и дурацкая икота, возникающая каждый раз, когда она считала какого-нибудь парня хорошеньким. Ее одноклассника Йонаса, например. Все, что осталось от родителей, – это несколько выцветших семейных фотографий.

Однажды в старой коробке, в которой хранились вещи ее родителей, она обнаружила странные часы с восемью стрелками, кнопками и бесконечной спиралью из цифр, которые ее мать, по-видимому, купила для Лины еще до ее рождения. Вместе со своей лучшей подружкой Бобби, у которой обычно на все был ответ, она сумела узнать, что хронометр постоянно возвращается на дату несчастного случая, но девочки никак не могли понять, как эта штука на самом деле работает. Всякий раз, когда Лина надевала хронометр, время сбивалось. Иногда ей казалось, что оно бежит быстрее, иногда медленнее, иногда совсем останавливается. Но это еще не все: вокруг Лины постоянно крутился таинственный юноша. Данте носил черный плащ, у него были светлые, почти белые волосы, невероятные глаза – один зеленый, другой голубой – и казалось, что он явился из другого мира. Его появление окончательно убедило Лину в странности происходящего, и ей в конце концов пришлось разобраться с тайнами, связанными с ее родителями и той аварией. Тайком, в сопровождении своего странного преследователя, она пробралась в место под названием «Совиная нора», где находился магазин часов, в котором ее мать приобрела хронометр. При поддержке Данте ей наконец удалось активировать неведомую силу часов. Загадочный спутник привел ее в волшебное место за пределами реального мира: Невидимый город. Три восьмиугольные улицы с многоэтажными домами окружали восьмиугольное здание с блестящим куполом, напоминающим всевидящее око. Город был домом для множества эксцентричных и загадочных особ, которые, казалось, приходили из разных столетий. Вскоре Лина узнала почему: это были «невидимки» – путешественники во времени, проходившие сквозь века и путем умелого вмешательства перекраивающие те биографии, с которыми судьба обошлась слишком сурово. «Агентство ударов судьбы», расположенное в огромном куполообразном зале, занималось делами отчаявшихся и потерявших надежду. Тысячи стеклянных голограммных книг рассказывали о печальных судьбах людей разных столетий и ожидали, когда за них возьмутся путешественники во времени. Лина едва успела осмыслить все это, как узнала, что и она сама, так же, как и ее мать, принадлежит к числу этих путешественников во времени.

Появление Лины вызвало бурю. Могущественная Хранительница времени, которая была не только правительницей Невидимого города, но в то же время и ее собственной бабушкой, не скрывала свою неприязнь к Лине. Она так и не простила собственную дочь Рею за то, что та оставила Невидимый город и путешественников во времени ради жизни рядом со смертным. И ради ребенка – Лины. Ее мать стала так называемой «отступницей» – изгнанником из мира путешественников во времени. Лину не смутило поведение Хранительницы времени. Слишком заманчивым был новый мир с его возможностями. Неужели можно было изменить собственную судьбу и создать идеальную жизнь? И что это значило для ее собственной семейной истории?

Еще Лина не подозревала, что ее путешествие с Данте навело на след путешественников во времени их давнего врага. Гарри Кинг, имевший смутное представление о существовании Невидимого города, пустил в ход все средства, чтобы добраться до хронометра. В своем желании разгадать тайну путешествия во времени он был готов и на похищение, и даже на убийство. Лина, знакомая с ним как с охранником склада, осознала, что он следил за ней всю жизнь. Он

был не только виновен в смерти ее родителей в прошлом, но и в настоящем держал на мушке Бобби, чтобы с ее помощью добраться до Лины.

Лина проигнорировала все добрые советы и предостережения Данте, воспротивилась приказу Хранительницы времени и отправилась в собственное прошлое. У нее была лишь одна цель. Она должна была предотвратить аварию, в которую попали ее родители. Даже если при этом она попадет прямо в руки Кинга. После многих неудачных попыток и крупной ссоры с Данте ей удалось обмануть Кинга и изменить события так, что машина родителей миновала место аварии. Когда она с радостью вернулась в собственное время, ей пришлось признать, что вмешательство в прошлое требует непомерной цены. Младшие сестры исчезли, тетя тоже. Но хуже всего было то, что ее подруга Бобби лишилась жизни из-за цепной реакции событий, запущенной Линой. Счастье Лины оказалось построено на смерти ее любимой подруги.

Со смирением вернулась Лина в Невидимый город. Хранительница времени категорически отвергла ее просьбу исправить ошибку, и даже Данте больше не хотел иметь с ней ничего общего. Только благодаря напряженной работе в отделе ревизии, где путешественники во времени занимались тем, что пересматривали дела, которыми следовало заняться, Лине удалось убедить Хранительницу времени в искренности своих намерений и помириться с Данте. В последний раз она отправилась в прошлое вместе с Данте, который за время ее обучения в Невидимом городе стал для нее больше, чем просто другом. Каждую свободную минуту Лина проводила с ним без какой-либо икоты и с бабочками в животе. Все шло по плану, пока она внезапно не увидела собственную мать. Вместо того чтобы быстро вернуться, она рискнула всем. Слишком непреодолимым было желание хоть раз поговорить с мамой, прикоснуться к ней и обнять ее.

Она жаждала хотя бы раз почувствовать, каково это – иметь мать. В этот момент Кинг нанес удар. Из последних сил Лине удалось вырваться из лап Гарри Кинга и довести свою миссию по спасению Бобби до конца. Гарри Кинг словно провалился сквозь землю. Навсегда? «Забудь обо всем, что связано с путешествиями во времени», – сказала ей мать, прежде чем они со слезами попрощались. Лина вернулась к прежней жизни. С радостью заключила она Бобби в объятия. Ей осталось только выполнить последнее условие Хранительницы времени: она должна разорвать все связи с Данте и невидимками. Навсегда. И это после того, как она впервые поцеловала его...

1

Всего один поцелуй

– Гол! Гол! Гол! – Хлоя, Софи и Элиф ликовали так бурно, словно уже выиграли чемпионат по гандболу этим совершенно неожиданным ударом. На Лину это не произвело большого впечатления. Ее глаза были направлены лишь на Данте. Данте в длинном черном плаще, юношу с платиновыми растрепанными волосами, разноцветными глазами – голубым и зеленым – и дерзкой ухмылкой. Она все еще ощущала его поцелуй на своих губах. Сладкий и легкий, как прикосновение бабочки. В животе щекотало, словно она выпила слишком много содовой. Больше не существовало ни «до», ни «после», ни «если», ни «но», ни «пути назад». Зал бушевал, словно зрители радовались тому, что Данте и Лина наконец-то воссоединились. В действительности аплодисменты предназначались только Бобби, которая только что забила первый гол в своей жизни.

Пока ее подруга радостно танцевала и носилась по залу с широко раскинутыми руками, для Лины время остановилось. На мгновение все вокруг затаило дыхание. На несколько секунд, на крошечную вечность. Почему Данте не мог остаться с ней? Желательно навсегда и еще на один день, ну или хотя бы на несколько минут, на секунду. Но все это невозможно. Против всех правил – правил Невидимого города, мира Данте.

– И что нам теперь делать? – задыхаясь, спросила Лина.

Поцелуй с Данте здесь, посреди этого спортивного зала, был самым прекрасным, что когда-либо случалось с ней, и в то же время был шагом к пропасти. Она поклялась жизнью Бобби, что навсегда оставит позади Невидимый город и путешественников во времени. Лина слишком хорошо знала, что поцелуем она нарушила свое обещание, данное Хранительнице времени. Что теперь будет с ней и Данте? Как отреагирует могущественная правительница? Лина подозревала, что Хранительница времени следит за каждым шагом своих подчиненных и, наверное, давно уже узнала об их тайной встрече. Она ни на секунду не смела надеяться на совместное будущее с Данте. Ее родители – мать, которая была путешественницей во времени, а отец – смертным – заплатились жизнью за свою запретную любовь. Повторится ли история? Лина вздрогнула при мысли о том, что придется снова столкнуться со строгой правительницей и оправдываться за то, что казалось таким прекрасным. Лина никогда не сможет понять, почему сердце Хранительницы времени было таким каменным. Она и пальцем не пошевелила, чтобы спасти собственную дочь от преследования Гарри Кинга. Этот человек не останавливался ни перед чем, если речь шла о хронометре и о том, чтобы завладеть им и вывести у путешественников во времени их секреты. Даже перед убийством. И Хранительница времени ничего не сделала. Она изгнала Рею, свою собственную дочь, из своего сердца за то, что она выбрала жизнь за пределами Невидимого города. И ее, Лину.

Что теперь? Лина искала ответ в глазах Данте. Но тот лишь улыбнулся, прогоняя все страхи, словно сама невинность. Бабочки в животе Лины вытеснили ее мрачные мысли.

Пронзительный свист перенес Лину обратно в реальность. С багровым лицом тренер призывал Бобби и ее товарищей по команде к порядку.

– Роберта Альберс, хватит, – гаркнул господин Андерс, дико озираясь по сторонам. – Если ты немедленно не встанешь на свое место, я уберу тебя с поля.

Но Бобби даже и не думала о том, чтобы вернуться к игре. Она наслаждалась своим неожиданным триумфом, как могла. Смеясь, она высвободилась из клубка девичьих рук, развернулась так резко, что ее подошвы скрипнули по линолеуму, и побежала прямо к трибуне, где Лина отдыхала на скамейке запасных после жесткого падения в первой половине игры. Ее лицо светилось от волнения, она вся сияла.

– Ты это видела? – отрывисто закричала она. Она так яростно бросилась в объятия Лины, что они обе потеряли равновесие и чуть не упали назад.

– Я забила гол. Я! Именно я! – прокричала Бобби ей в ухо.

– Я видела. Я все видела. Поздравляю! – придя в себя, засмеялась Лина.

Судья уже вытаскивал карточки, чтобы присудить штрафной. Бросив оценивающий взгляд на Лину, тренер решил, что его звездный игрок чувствует себя достаточно хорошо, чтобы вернуться в игру.

– Бобби, на скамейку, Лина, на поле, – громко приказал господин Андерс.

Бобби ахнула.

– Это несправедливо, – пожаловалась она. – И почему теперь, когда все пошло так хорошо? – Она не была готова в этот звездный час без боя отказаться от места в команде. Ее товарищи удержали ее от того, чтобы устроить сцену на поле.

– Нам нужна Лина, – сказала Хлоя, мягко подталкивая Бобби к краю поля. – Она лучшая.

Ее товарищи утвердительно кивнули. Обескураженная, Бобби опустила плечи и нерешительно показала Лине поднятый вверх большой палец.

– Вперед, – подбодрила она ее. – Они правы.

Данте незаметно расположился на краю поля и начал неистово аплодировать, когда Лина бросилась на поле. Уверенность в том, что Данте пришел только ради нее, воодушевляла. Лине казалось, что она парит над землей. Сложные спаринги, фантастические передачи, удары с невероятных позиций, быстрая игра в обороне противника, успешная «семиметровка» – все ей удалось. Бобби аплодировала, Данте ликовал. Под растущий энтузиазм зрителей Лина летала по полю, словно и здесь, за пределами мира путешественников во времени, обладала магическими способностями. За десять секунд до свистка она поставила точку в игре, совершив штрафной бросок с правой позиции. Мяч ударился о штангу, отскочил в руки вратаря, которая не удержала его в руках, после чего, как пьяный, покатился в ворота. Публика вскочила, начала свистеть, хлопать и кричать. Лина воздела руки к небу. В этот миг она чувствовала себя непобедимой.

Вне себя от радости, она повернулась к Данте.

Место, где он только что стоял, пустовало.

2

Вернись

Куда подевался Данте? Почему не дает о себе знать? В бешенстве Коко бежала по улицам Невидимого города. Она взволнованно грызла ногти. Против мучительной нервозности не помогали ни бутерброды, ни сладости – ее универсальная панацея от внутренних смятений. Данте опаздывал на несколько часов.

«Мне нужно кое-что быстро сделать, – прошептал он ей, прежде чем снова прыгнуть во временной отрезок Лины, прямо в спортивный зал. – Скоро вернусь».

Коко прилагала все усилия, чтобы не дать ему появиться во второй раз на финальном гандбольном матче Лины. Безуспешно. С тех пор как ее лучший друг перехватил таинственный сигнал тревоги неопознанного сотрудника 4477 в Центре управления, который навел его на след Лины, все его мысли вертелись вокруг девушки из часового пояса 21. Коко боялась, что Лина слишком пагубно влияла на Данте и он подхватил человеческий вирус, который медленно разлагал его мозговой центр.

«Жизнь кругом горяча, – ни с того ни с сего пожаловался Данте несколько дней назад. – Мы должны чувствовать гораздо больше: жар, холод, ненависть, любовь».

Было ли это причиной того, что он нарушил все правила Невидимого города? Любовь? Путешественники во времени не влюблялись. Уж точно не в человека. Не без риска навлечь на себя гнев Хранительницы времени. Никто из невидимок не выступал против воли своей госпожи безнаказанно. Даже сверхталантливый Данте, которому только предстояло пройти через подобное.

Коко все больше нервничала. Кое-что быстро сделать? Это «кое-что», по ее мнению, длилось уже слишком долго. В который раз сквозь время и пространство она попыталась установить контакт с часовым поясом 21 и с Данте. Приложив указательный и средний пальцы на хронометр, который она носила на запястье левой руки, Коко активировала датчик распознавания людей. Циферблат исчез. С помощью установочных кнопок по краям она ввела принадлежавший Данте четырехзначный номер сотрудника: 6454. Вместо ожидаемой голограммы Данте над хронометром высветилось красное светящееся сообщение об ошибке: *Абонент недоступен*. Код ошибки заставил Коко вскрикнуть от беспокойства. Что если Данте решил пойти за Линой и при этом против Невидимого города? Что если ее лучший друг решил стать отступником и теперь, как дезертир, незаметно жил среди людей? Бросил ли Данте свой хронометр? Стал ли он настолько зависим от Лины, что перешел на ее сторону и решил больше не путешествовать во времени, чтобы помогать другим? Так же, как мать Лины, Рея, выбрал жизнь со смертным? Что, во имя всего, задумал Данте? Неведение было хуже, чем все остальные чувства, которые Коко испытывала до сих пор. Хуже, чем ее ощущения в муравейнике, в который она случайно попала во время своего самого первого путешествия во времени. На этот раз зудело и изнутри, и снаружи. Она больше не могла терпеть. Коко чувствовала волнение в желудке, в конечностях, в голове.

Теснота улиц Невидимого города угнетала. Через несколько дней наступит «Ночь сов»: раз в столетие через сто часов после новолуния все жители Невидимого города собираются, чтобы вновь принять сотню молодых путешественников во времени в ряды невидимок. На этот раз ажиотаж был особенно велик. С тех пор как исчезла Рея, Хранительница времени отказалась от всяких праздничных мероприятий.

За две недели до церемонии деятельность путешественников постепенно прекратилась. Воздух вибрировал от напряжения и предвкушения. Большинство из них не виделись годами, некоторые, может быть, десятилетиями. В точности этого не мог сказать никто, время в Невидимом

димом городе жило собственной жизнью. Римский легионер вел под руку придворную даму в громоздком белом парике и вычурном расклешенном светло-голубом платье, средневековый крестьянин буйно приветствовал рэпера с толстыми золотыми цепями на шее и в широких штанах. Красочно одетые путешественники во времени прибыли из всех уголков и часовых поясов в Невидимый город: шут из XIV века прогуливался вместе с женщинами в величественных платьях и красочно одетыми хиппи с распущенными волосами. Коко тщетно искала в толпе знакомую белую макушку. Данте был единственным, кто никогда не одевался в соответствии с заданием, а всегда носил свой длинный черный плащ. Он настолько усовершенствовал искусство уклоняться от взглядов людей, что это ему разрешили. Неважно, что он носил, среди смертных он всегда оставался невидимым.

Перед столовой образовалась длинная очередь по двое голодных коллег в каждом ряду, далеко уходящая к центральному восьмиугольнику домов в Невидимом городе; в тесноте она напоминала гроздь винограда. На выдаче рабочей одежды царило оживление. Были представлены варианты на все времена, в любом стиле и на каждую рабочую смену: от кринолина до набедренной повязки. Волнение ощущалось повсюду. Коко знала наверняка, что передача хронометров новым путешественникам во времени была одним из обязательных для всех событием. Церемония сопровождалась бесконечным количеством встреч, на которые собирались лидеры Невидимого города, чтобы определить планы и цели на следующий год. Воодушевляющее чувство овладевало каждым, когда в «Ночь сов» открывали крышу Купола, а вокруг порхали птицы с хронометрами. Конечно, это были не настоящие совы, а искусственные птицы, состоящие из сотен шестеренок, которые волшебным образом преодолевали таинственную границу между часовым заводом и Невидимым городом и дали местности ее название: «Совиная нора». Коко видела чудесных птиц только однажды, на собственной присяге. Но как ей радоваться великому событию, если в ее голове звучит лишь «Данте, Данте, Данте»? Именно потому, что появление на большом собрании было строго необходимо для каждого из невидимок, это был решающий день, когда для всех становилось очевидным: есть ли потери в их рядах. От тех, кто отсутствовал в «Ночь сов», Невидимый город отворачивался навсегда, и они изгонялись из общины.

Почти на автомате ноги понесли Коко дальше, к гостинице «Солнечная», которая, как и все другие отели, находилась в самом дальнем восьмиугольнике города. Может, она все-таки встретится с ним там? Путешественники во времени постоянно меняли номера в отелях, гостиницах, пансионатах и хостелах. Постоянное место жительства противоречило их концепции жизни, а также длительным связям любого рода. На шестом этаже, где недавно жил сотрудник 6454, было по-прежнему темно.

– Ты видел Данте? – спросила Коко коллегу, который, как она знала, в данный момент жил на четвертом этаже «Солнечной». Вошедший пожал плечами, точно так же, как и две девушки в топиках с оголенными животами и узких джинсах, которые, видимо, совсем недавно были на задании в 21 часовом поясе. Там, где жила Лина. Вместо ответа одна из девушек в ужасе спросила:

– Данте еще не вернулся? В этот день?

Сильная паника отразилась в ее глазах. Похоже, никто в Невидимом городе не упустил из виду чересчур близкую связь между Данте и Линой за последние недели. Со времен Реи никто не осмеливался так открыто противостоять приказам Хранительницы времени. Коко воздержалась от дальнейших расспросов. Она боялась, что этим она только еще больше распространит слухи. Каждый путешественник во времени имел представление о фазах разоблачения отступника. Сначала появлялись шепотки, шушуканья, бормотания и хмурые взгляды. В дни, предшествующие церемонии, когда подозреваемый исчезал, слухи начинали распространяться, как лесной пожар, от отеля к отелю, от путешественника к путешественнику. За спинами обменивались скудной информацией о пропавших без вести. Для Данте еще оставалась

надежда. Только когда путешественник во времени совершенно отсутствовал в «Ночь сов», слухи становились непрекращаемой действительностью, а имена отступников навсегда исключались из всех разговоров. Все делали вид, что их никогда не существовало, хотя каждый слишком хорошо помнил любого из них. Последняя фаза считалась завершенной, когда номера бывших сотрудников были переназначены. Перераспределение было равносильно смертному приговору. По слухам, кто-то в этом году получит 4477: номер Лины.

Коко устала на темное окно на шестом этаже.

– Он все еще не вернулся? – спросил голос позади нее.

Коко обернулась и увидела Инес, лицо которой, обрамленное короткими рыжими волосами, выглядело еще бледнее обычного.

– Все в порядке, – бесстыдно солгала Коко. – Он должен явиться в любую минуту. Я вот-вот встречу с ним.

Особо убедительной она не казалась, потому что Инес наморщила лоб. Правая рука и доверенное лицо Хранительницы времени заметно напряглась.

– Могу я представить тебе Рохуса? – невозмутимо спросила она и подтолкнула вперед мальчика, прятавшегося за ее спиной. Он был полненьким, с зубами, как у грызуна, и волосами, стоящими дыбом, ровно, словно солдаты.

– На самом деле Данте должен был взять его на церемонии под крыло, но сейчас... Рохус, это Коко, твоя крестная в «Ночь сов».

– Крестная? Я? – застонала Коко.

С содроганием она вспомнила свою собственную «Ночь сов», когда успела споткнуться на сцене, прежде чем безнадежно запутаться в словах присяги. Только Данте, будучи ее крестным отцом, не отходил от нее ни на шаг и знал, как предотвратить худшее.

– Тебе стоит радоваться, что Коко рядом с тобой, – Инес повернулась к Рохусу, который казался таким же недовольным, как и Коко, и скептически оглядел их. – Она... – Инес искала подходящие слова. – Она особенная. Вы с ней дадите жару на представлении.

Она поспешила уйти, прежде чем Коко успеет задать еще вопросы. Видимо, ей не удастся быстро избавиться от Рохуса.

– Если Данте не вернется, мы сможем стать командой, – сказал он неприятно высоким голосом, который звучал как электрический лобзик в действии.

Коко фыркнула. Этот маленький позер хотел занять место Данте и даже открыто признавался в этом? Вот еще.

– Я, конечно, могу многому тебя научить. Данте никогда особо не следовал правилам.

Он невозмутимо произнес то, о чем Коко запретила себе думать. Как он посмел говорить о Данте в прошедшем времени? И вести себя перед ней так заносчиво! Учитывая, что он еще даже не надел хронометр на запястье. Рохус даже не заметил, как она расстроена, тем более что от возмущения она не произносила ни слова, а только смотрела на него.

– Ты, безусловно, можешь чему-нибудь научиться, если будешь наблюдать за профессионалом в работе, – невозмутимо добавил он. – Если бы они не задавали мне намеренно каверзных вопросов, я бы на экзамене по профпригодности легко бы набрал в два раза больше очков, чем в свое время Данте.

Он не сомневался, что сможет занять место Данте. Это было началом небывалой вражды – больше всего Коко хотелось, чтобы новенький попался на здоровенный крючок. Однако больше всего ее раздражало, что Рохус был прав в одном: у Данте больше не было времени на принятие верного решения.

3

Вот как выглядят победители

– We are the champions¹, – вторили веселые девичьи голоса в раздевалке спортивного зала. Команда Лины победила в финале со счетом 36:29. Пока сборная противника молча добиралась до дома, ее команда праздновала в раздевалке. Хлоя, Софи, Элиф и Бобби держали друг друга за плечи, подпрыгивая и истошно крича. Ошеломленная и совершенно выбитая из колеи, Лина сидела на скамейке. По дороге в раздевалку она напрасно надеялась обнаружить бело-волосого Данте. За колонной, в темном углу, в пустынном коридоре... Куда он так внезапно пропал? Всю игру она видела его на краю поля, а теперь он словно сквозь землю провалился. И куда бы Лина ни смотрела, Данте оставался невидимым. В голову закралась невыносимая мысль. «У меня плохо получается прощаться», – сказал он ей однажды. Поэтому он просто исчез? Не сказав ни слова? Был ли поцелуй на самом деле прощальным?

– No time for losers, 'cause we are the champions of the world, – звучало в раздевалке, как будто доносилось издалека. Лина воспринимала своих товарищей по команде будто сквозь мутное стекло. Она видела рты, которые открывались и закрывались, видела сияющие глаза, разгоряченные лица. Голос Бобби был таким далеким. Лина с недоумением посмотрела на нее. Она не услышала ни слова из того, что говорила ее подруга.

– Я тоже, – уклончиво сказала она.

Она нервно рассмеялась, надеясь, что Бобби ничего не спросила.

– Вот как выглядят победители, ла-ла-ла-ла-ла, – выкрикивали на заднем плане ее товарищи.

Теперь Бобби выглядела более обеспокоенной. Будто в ее глазах нервно крутились шестеренки. Лина знала, что Бобби, как сейсмограф, сама регистрирует мельчайшие колебания. В данный момент она, видимо, подозревала какую-то катастрофу. Ее взгляд выражал один большой вопрос. Лине стало жарко, и холодно, и неудобно – все вместе. Она чувствовала себя виноватой при мысли, что вынуждена лгать своей лучшей подруге.

Лине столько всего хотелось рассказать Бобби: о Данте, о Невидимом городе, о строгой Хранительнице времени, о ее противостоянии с Гарри Кингом, о поцелуе, о загадочном исчезновении Данте и о тысяче нерешенных проблем, которые все еще вертелись у нее в голове. Но разве могла она безнаказанно посвящать свою подругу в тайны путешественников во времени? Было ли это той ценой, которую она заплатила за воспоминания о своих родителях, полученных благодаря путешествиям во времени: быть разорванной между двумя мирами? Вчерашние воспоминания окутывали словно накинутое на плечи пальто. Теперь это же пальто тащило ее в бездну, будто одежда пропиталась дождевой водой.

Бобби внимательно посмотрела на Лину.

– Что-то с тобой не так, – сказала она. Это был не вопрос, а констатация факта.

– Ты забила свой первый гол! – подчеркнуто бодро воскликнула Лина вместо ответа. – Мы должны это отпраздновать. Как только переоденемся.

Прежде чем Бобби успела сказать что-то еще, Лина уединилась в душевой. Она повернула кран до упора. Победные гимны ее товарищей по команде расплывались в журчании горячей воды. Пар витал по комнате, окружая ее подобно зловещим туманным созданиям. Водяные духи, казалось, обладали ртами и гулками голосами, эхом отдававшимися в выложенной плиткой комнате. Или это был просто хор незваных гостей в ее голове, которые переводили

¹ Строчка из песни «We Are the Champions» британской рок-группы Queen из альбома «News of the World». Она стала спортивным гимном миллионов болельщиков по всему миру.

дыхание после игры? Эти голоса сопровождали ее, сколько она себя помнила. Какое-то время они молчали, но теперь снова вернулись.

«Ты ведь не думала на самом деле, что у вас есть будущее?» – воскликнул один.

«Он оставил тебя», – сказал второй.

Третий звучал еще отчетливее.

«Мы его больше никогда не увидим», – торжествующе пропел он.

«У него должна быть веская причина», – встревали его защитники.

«Он делает только то, что ему нравится, – шипели его противники. – Ты к этому не относишься».

«Все хорошо как есть, – отозвался посредник. – У вас бы ничего не сложилось».

Предостерегающие голоса одержали верх в голове Лины: «Забудь о нем. Ты просто подвергнешь себя опасности. Себя и Бобби».

И посреди хаоса противоречивых мыслей она внезапно услышала мягкий, теплый голос матери. «Ты не должна встречаться с путешественником во времени, – обеспокоенно сказала она. – Это слишком опасно. Оставайся в своем собственном мире».

Это было похоже на предупреждение, которое Рея произнесла при прощании: «Спрячь хронометр и забудь обо всем, что связано с путешествиями во времени».

Лина выключила душ.

«И что нам теперь делать?» – спросила она Данте после поцелуя.

Ее мать и все эти ворчливые голоса были правы. На этот вопрос мог быть только один ответ. Хранительница времени позволила ей вернуться к прежней жизни. Она была обязана использовать свой второй шанс. Даже без Данте.

4

Всегда только Лина

Бобби распахнула дверь в столовую. Пока ее товарищи по команде сушили и укладывали волосы, наносили крем и делали макияж, Бобби лишь пару раз провела пальцами по своим коротким волосам. Она первой из победившей команды девушек присоединилась к чемпионскому торжеству. Тренеры, родители, сопровождающие и члены клуба подбадривали друг друга, покачиваясь в такт громко гремящей музыке, и оживленно обсуждали решающие действия команды. Генриетта Альберс, мать Бобби, упивалась ударом своей дочери по воротам. Ее хвалебный гимн был заглушен своими же племянниками, которые расхаживали повсюду, запихивая в себя картошку фри и сладости.

Бобби приветствовали как чемпионку. Здесь поднятый вверх большой палец, там одобрителное похлопывание по плечу и похвальное слово. И не только от матери. Бобби выросла как минимум на пять сантиметров. Впервые она действительно почувствовала себя ценной частью команды, ведь ее гол в конце концов принес им победу. Она чувствовала себя Марио Гётце², который забил гол на чемпионате мира по футболу в Германии в 2014 году. Один удар был способен изменить всю жизнь и по-новому заставить кружиться весь мир.

Сердце Бобби заколотилось от страха, когда она обнаружила в толпе Йонаса. Она только сумела подавить икоту, которая в последнее время преследовала ее, когда она сталкивалась со своим одноклассником. Йонас в последний день работал в столовой и снабжал всех присутствующих напитками. Он направился прямо к ней со своим подносом. Она забила гол, сказала себе Бобби. Что плохого может случиться? Йонас остановился перед ней. Она снова и снова удивлялась, как кто-то может выглядеть так хорошо в фартуке.

– Привет, – смущенно пробормотала она, когда он протянул ей колу.

Ничего лучшего ей в голову не пришло. Каким-то образом она могла вести себя неприужденно только в том случае, когда заранее что-то придумывала. Но каким образом ей думать и говорить что-то разумное? Она была занята сдерживанием икоты и загадочных видений. Она видела себя прогуливающейся вместе с Йонасом по заколдованному ночному лесу. Под луной! Какая невероятная глупость! Как будто ей когда-нибудь нравилась эта романтическая чушь. Почему с недавних пор Йонас не выходит у нее из головы?

– Привет, – ответил Йонас.

Разговор закончился еще до того, как начаться, но Бобби не могла перестать смотреть на Йонаса. Йонас удивленно оглядел себя.

– Кетчуп? Неправильно застегнул пуговицу? Перхоть? В чем дело? – в замешательстве спросил он.

– Ни в чем, – вскрикнула Бобби.

Ее голос был до странности высоким. И громче обычного.

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно спросил Йонас.

Бобби вспомнила о рыбах-каплях³. Уродливые, белые, ужасные рыбы-капли. Образы, возникавшие в ее голове, казалось, пришли из какого-то промежуточного мира, искажая представление о реальности. Бобби была для себя одной большой загадкой.

– Извини, – сказала она.

² Марио Гётце – немецкий футболист, атакующий полузащитник дортмундской «Боруссии» и сборной Германии. Гётце считался одним из лучших молодых футболистов мира, обладая хорошей скоростью, техникой, дриблингом, а также способностью взять игру на себя.

³ Рыба-капля – глубинная океаническая рыба, которая обитает в Атлантическом, Тихом и Индийском океане. Своим внешним видом напоминает большую каплю, отсюда и название.

При этом она даже не знала, за что извиняется. За то, что в его присутствии подумала о рыбах-каплях? Это нормально? Ее мозг периодически выдавал самые причудливые вопросы. Накануне в душе она серьезно задумалась, почему на задней стороне детского шампуня «Веннингер», который ее мать стащила для нее, была инструкция по применению: *«Для сказочного аромата нанесите шампунь легкими массажными движениями на влажные волосы, оставьте на минуту и смойте большим количеством воды»*. К тому времени, когда ты сможешь сам это прочитать, то уже миллион раз вымоешь голову.

– Я забила гол, – пролепетала она.

Что с ней не так? Почему из ее рта вылетают такие странные слова? С каких это пор она хочет произвести впечатление на Йонаса? Она знала его с детского сада. С пеленок! Она никогда не интересовалась им раньше, а теперь выглядит как дурочка, потому что в ее голове крутятся странные образы.

– Видел, – похвалил Йонас. – Суперский удар!

Бобби криво улыбнулась. В ушах звенело. К сожалению, ей не пришло в голову, о чем можно дальше с ним разговаривать. Ее слова были похожи на пузырьки воздуха, которые выделяла рыба-капля: они лопались, как только достигали поверхности: пустые, полые и совершенно бессмысленные.

– Потрясающий гол, – сказал Йонас. – Под невероятным углом.

– Это было не так уж сложно, – начала Бобби. – Я просто...

– Я имел в виду финальный бросок Лины, – прервал ее Йонас.

Очевидно, он продолжал говорить, пока Бобби погружалась в свой виртуальный «аквариум».

– Не понимаю, как Лине удастся такое проделывает, – пробормотал Йонас. – Просто потрясающе.

Он симитировал решающий бросок Лины с восторженной улыбкой, которая сразила Бобби как удар в живот. Прежде чем она успела все осмыслить, дверь в столовую снова распахнулась.

Под аплодисменты публики появилась Лина с остальной командой. В первую очередь Хлоя, которая снимала себя, чтобы сообщить последователям своего канала «Crazy me» о достигнутой победе.

– Если бы я не сделала пас для первого гола, Бобби никогда бы не забила, – объявила Хлоя. – Я позаботилась о том, чтобы мы победили. Моя передача вернула командный дух. Затем все пошло как по маслу.

– Поговорим позже, – сказал Йонас. Он просто оставил Бобби и с лучезарной улыбкой побежал к Лине.

– Эффектный удар! Никому больше такое не под силу, – крикнул он. – Поздравляю с выходом в финал!

Он обнял Лину и попытался прижаться к ее щеке дружеским поцелуем. Как раз в этот момент Лина повернула голову – и поцелуй коснулся ее губ. Разноцветные огни диско-шара плясали по их лицам, басы гремели, Хлоя, которая все это снимала, затихла.

Бобби резко отвернулась и поняла, что она не единственная, кого расстроил поцелуй. В большом зеркале, висевшем перед ней на стене, она увидела странного юношу в длинном черном плаще, который смотрел в сторону Лины и Йонаса. Ошеломленный, он провел рукой по своим светлым, почти белым волосам. В его глазах, различимых даже в полумраке, стоял чистый ужас. Кто это? Бобби повернулась, чтобы лучше рассмотреть незнакомца. Но в тот крохотный миг, когда она оторвала от него взгляд, он исчез. Словно провалился сквозь землю. Бобби огляделась. От загадочного парня не осталось и следа.

– Командное фото, – в этот момент воскликнула Хлоя, оторвав Йонаса от Лины. – Все сюда.

Она вручила телефон в руки растерянному Йонасу и стала позировать.

– Давайте же, – крикнула она своим товарищам по команде. – Нам нужна фотография для Instagram.

Она оттолкнула нескольких товарищей по команде в сторону, чтобы занять центральное место для себя и Лины.

– Капитан и лучший бомбардир. Мы обе должны быть рядом, – объяснила Хлоя, положив руку на плечо звездного игрока.

– Стой, – крикнула Лина и высвободилась из объятий. – Бобби необходимо быть в центре. Мы должны отпраздновать ее первый гол.

Лина оттащила подругу от края. Это не помогло. Приподнятое настроение Бобби сдулось, как плохо приготовленное суфле.

5

Затишье перед бурей

Все закончилось. Вместе с Бобби Лина покинула спортивный зал, большинство игроков со своими семьями уже отправились домой. Музыка стихла, буфет опустел, и кубок чемпиона прошел через все руки, прежде чем торжественно занять свое место в почетной витрине. На стоянке перед залом Генриетта Альберс нетерпеливо нажимала на клаксон.

– Дедушка с бабушкой ждут, – застонала Бобби. – Мне пора.

– Увидимся в гандбольном лагере, – пообещала Лина. Каждый год в Пятидесятницу⁴ их клуб ездил в палаточный лагерь «Зеленое озеро» – главное событие спортивного года Лины.

Бобби исчезла вместе с матерью, Элиф забрала ее большая семья, Хлоя втиснулась в такси с четырьмя подругами. Гандболисты разбредались повсюду. Голоса, желавшие друг другу прекрасной Пятидесятницы, раздавались по парковке, одна машина за другой покидала спортивный центр. Лина, казалось, была единственной, пришедшей на игру без родных. С грустью она направилась в сторону магистрали. У нее было странное настроение. С последней машиной, покинувшей стоянку, исчезло все живое. Лина осталась одна и с сомнением огляделась, испуганная внезапной тишиной. Со всех сторон над Айхбергом поднимались густые облака. С тех пор как Лина нашла хронометр, события захватывали ее, словно вихрь. Теперь она чувствовала себя так, словно попала в самое сердце урагана. Он мог начаться в любую минуту. Беспокойно ее глаза обыскивали окрестности в поисках подозрительных движений. За несколькими кустами она обнаружила узкий столб дыма, который поднимался рябью, прежде чем растворится в небе.

– Иди домой, – вслух сказала она себе. Но не могла отвести взгляд. Своеобразный запах ударил ей в нос. Только что он ей напоминал? Лина закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Образ фургона всплыл перед ее внутренним взором. Небольшая дровяная печь, несвежий воздух – жилище Гарри Кинга. Она замерла, вспоминая их последнюю встречу. Она видела перед собой Кинга, его искаженный гневом рот, безумный взгляд, фанатизм в его пронзительно светлых глазах, когда он бросился на нее. Она почувствовала нож, разрезавший кожу на запястье, боль, страх. Лина начала громко напевать себе под нос. Невозможно одновременно петь и бояться до смерти. Но это не сработало.

Узкий столб дыма не давал ей покоя. Осторожно подкралась она поближе. Ветер хлестал по деревьям, темнеющим на фоне неба, листья вздрагивали, словно хотели что-то ей сообщить. Качели на безлюдной детской площадке пронзительно скрипели на ветру. Блеснула молния, издали прогремел гром. Краем глаза она заметила промелькнувшую мимо тень. Какое-то мгновение она надеялась, что это Данте. Но это были лишь деревья, качающиеся от ветра. Прорываясь вперед, она обнаружила, что дым исходит от кострища, которое только что окончательно погасло. Лина достала из рюкзака бутылку с водой и потушила угли, когда ей на глаза попался полусгоревший клочок газеты. Заинтересовавшись, она взяла его в руки. В промежутках между следами от огня можно было расшифровать отдельные слова. «*Суровая погода в Пятидесятницу*, – прочитала она. – *Исчисляемый миллионами ущерб... оплакивая погибших...*». Ниже она расшифровала заголовок: «*Пятнадцатилетняя школьница бесследно исчезла. Кто знает Отто?*» Размытый снимок под текстом был наполовину сожжен, но совершенно отчетливо изображал Данте. Она узнала копну его светлых волос, разноцветные глаза...

⁴ Пятидесятница в Германии – День Святой Троицы или Пятидесятницы. Праздник приходится на пятидесятый день после Пасхи.

Но почему его вдруг назвали Отто? Исчезла пятнадцатилетняя школьница? Что это значит? Остальная часть газеты рассыпалась в ее руках.

Сверху красовалась хорошо узнаваемая дата: четверг следующей недели. Лину пронзила дрожь. Что, во имя всего, снова происходит? Она знала, что может быть только одно объяснение тому, как попала сюда газета. Путешественник во времени принес ее с собой. Кто-то хотел ее предупредить? Данте? Впервые ей пришло в голову, что Хранительница времени, возможно, вовсе не собиралась вознаградить ее, отправив назад в обычный мир. Возможно, Хранительница времени заставила ее вернуться по другой причине. Но по какой? Лина чувствовала, что на нее что-то надвигается, помимо непогоды.

Внезапно позади нее раздался какой-то шум. Шаги. Кусты зашелестели. Лина наклонилась к наполовину обугленной ветке, чтобы защититься. В этот момент на ее плечо легла чья-то рука. Лина громко вскрикнула.

– Такси, – дружелюбно произнес голос.

Она обернулась. Это был Йонас. К чувству облегчения примешалась долька разочарования. Она все еще надеялась на встречу с Данте.

– Хочешь подвезу? – спросил Йонас, с беспокойством глядя на небо. – Думаю, начнется в любой момент.

Он указал на свой оранжевый шоссейный велосипед, у которого даже не было багажника. Лина взяла себя в руки. После неожиданного поцелуя они избегали друг друга всю оставшуюся часть праздника.

Смущенный Йонас тоже жевал губу.

– Я не собирался делать ничего такого, – пробормотал он. – Тогда.

Щеки его порозовели. Он размахивал руками, подыскивая слова, и в конце концов сдался. Казалось, он отнюдь не был уверен в том, что делает. Видимо, неудавшийся поцелуй в щеку смутил его так же, как и Лину. В этот момент поднялся ветер, и Йонас похлопал по раме своего велосипеда. Лина была рада сбежать из этого жуткого места. Она заняла место на руле между его руками. Пока падали первые капли, Йонас энергично крутил педали. Она закрыла глаза. Каждой клеточкой своего сердца она желала, чтобы на его месте был Данте.

6

Последствия

- Вот и он.
- Плохо выглядит.
- Я не думал, что он вернется.
- Неужели Хранительница времени все-таки наказала его?

С опущенной головой Данте бежал по Невидимому городу. Он делал вид, что не слышит шепотков и бормотаний со всех сторон. Слишком поздно он заметил Инес, которая перед одним из многочисленных магазинов обсуждала с несколькими вернувшимися путешественниками во времени подробности предстоящих торжеств. При виде его она тут же отделилась от группы и бросилась к нему.

– Поздравляю, – съязвила Инес. – Я так горжусь тем, что ты вспомнил о нас. Было бы очень жаль, если бы ты превратился в отступника и нам бы пришлось отстранить тебя.

Данте не хотел выслушивать обвинения. Он отвел взгляд от Инес и резко свернул на боковую улочку, где столкнулся лоб в лоб с Коко.

– Слухи верны! Ты вернулся! – Она порывисто обняла его. В ее глазах блеснули слезы, и голос дрожал от громкого восторга. – Никогда больше так не делай. Я чуть не умерла от страха. При этом я не могу даже умереть.

Она стояла перед Данте и изучающе смотрела на него.

– Я уже думала, что ты останешься с ней.

– Глупости, – выдавил Данте. – Что мне делать в часовом поясе 21?

Это была откровенная ложь. На мгновение Данте всерьез задумывался о том, чтобы отречься от Невидимого города. После игры, пока все еще были поглощены ликованием, он прохаживался по спортивной столовой, пытаясь ощутить, каково жить среди смертных. Его величайшее преимущество, его непревзойденный талант быть невидимым оказался при этом крайне проблематичным. Уже войдя в столовую, он едва не столкнулся с Йонасом, который смог удержать полный поднос в своей руке с мастерством акробата. Данте с любопытством смотрел ему вслед. От него пахло карривурстом⁵ и картошкой фри, и он так опасно стоял возле газовой плиты, что его странный фартук мог легко загореться. Как люди могут жить в постоянном неведении? По прибытии в спортивный зал он наблюдал, как припаркованная машина едва не задела велосипедиста, как ребенок поскользнулся на лестнице и ударился головой об пол. Данте переключался с одного ужаса на другой. Впервые за свою карьеру путешественника во времени он понятия не имел, что произойдет в следующий момент.

Жизнь людей была полна не только катастрофами, как Данте знал из работы в «Агентстве ударов судьбы», она была полна несчастных случаев. Но самым удивительным было то, что никто не замечал, в какой опасности пребывал постоянно. Как смертные умудрялись жить под этим непрекращающимся грозовым облаком, когда каждую секунду могло случиться что-то плохое? Как вообще можно спокойно существовать, если нельзя рассчитывать на то, что переживешь в следующий миг? Люди в спортивной столовой праздновали, как будто у них не было никаких других забот. Жизнь в часовом поясе 21, очевидно, была вечеринкой, на которую его не пригласили.

– Я вовсе не планировал оставаться там, – повторил свою ложь Данте. – Я просто хотел взглянуть, удачно ли она добралась.

⁵ Карривурст – популярный в Германии фастфуд: жареная сарделька с соусом на базе кетчупа или томатной пасты и порошка карри.

– Хранительница времени наверняка поймет, что ты снова отправился к Лине, – сказала Коко. – Я имею в виду, если ты объяснишь это ей. Она снова успокоится. Она не отнесет тебя к числу смертных. Точно нет. Такое случается только с отступниками. Когда их ловят. А ты ведь не отступник. Ты ведь вернулся добровольно.

Данте вздрогнул от чувства вины. Он еще хорошо помнил тот момент, когда сам был принят в сообщество путешественников во времени и произнес клятву невидимок. А теперь? Мало того, что он пренебрег своими обязанностями, так еще и нарушил многие из своих обещаний. Что, конечно, не ускользнуло и от Хранительницы времени.

– Лучше всего тебе пойти к ней прямо сейчас, – грустно сказала Коко.

7

Два мира

– Люди ненадежны, – сказала Хранительница времени с каменным выражением лица, – я тебя предупреждала.

Данте беспокойно заерзал на стуле. Хранительница времени не собиралась его жалеть. Он сидел в какой-то комнате для допросов в самом центре Купола. На столе лежала голограммная книга Лины. Ее трехмерная миниатюра, светящаяся вместо надписи на книжной обложке, выглядела настолько реалистичной, что Данте едва мог отвести от нее взгляд. Хранительница времени открыла историю Лины. Перед его глазами пробежали кадры Йонаса и Лины, как они в час пик авантюрно лавировали на велосипеде.

Раньше его никогда не беспокоило, что путешественники во времени в «Агентстве ударов судьбы» могли видеть жизнь любого человека. Только отступники умудрялись передвигаться в тени. Стекланные голограммные книги, хранящие в себе судьбы людей между двумя стекланными корешками и служившие основой для решения о том, какие дела будут рассматриваться «Агентством ударов судьбы», входили, сколько Данте себя помнил, в его повседневную жизнь. Теперь подлинность жизни этих образов почти сводила его с ума. Он проклинал магические способности невидимок, которые теперь беспощадно сталкивали его с жизнью, происходящей в мире людей.

Данте с трудом мог поверить в то, что видел. Лина удобно устроилась на руле между руками Йонаса. С головокружительной скоростью юноша объезжал любое препятствие, пробиравшись между припаркованными автомобилями, дешевыми мопедами, красными светофорами, строительными площадками и ничего не подозревающими пешеходами, пронесся мимо внезапно открывающейся автомобильной двери в рискованном уклончивом маневре. Задняя шина скользнула по мокрой от дождя дороге, когда он опасно свернул на улицу с односторонним движением. Лина испуганно пискнула, два огонька погасли. В самый последний момент Йонас свернул на тротуар и изящно протиснулся между столиками ресторана «Белла Рома».

Данте чувствовал себя довольно странно. Все эти поцелуи сбивали с толку гораздо сильнее, чем он себе представлял в теории. Нормально ли то, что ему хотелось свернуть Йонасу шею? Просто потому, что он умел лучше ездить на велосипеде? Или это из-за Лины? Закрыв глаза, он все еще ощущал на своих губах сладкий привкус ее поцелуя. Он был новичком в толковании чувств. Он знал лишь одно: то, что он увидел, ему ни капельки не понравилось.

Хранительница времени остановила записи, снова закрыв книгу.

– Они не такие, как мы. Они никогда не будут похожи на нас. Мы должны быть рады, что не опускаемся до такого уровня. Люди беспомощны, подвержены своим эмоциям. Мы – нет. Вот что делает нашу особую жизненную миссию возможной.

Данте промолчал. Он не мог признаться, что всеми фибрами души желал оказаться на месте Йонаса. Потому что этим он в точности противоречил бы тому, что только что сказала правительница.

– Наша сила в том, что мы можем помочь многим людям, потому что не привязываемся ни к кому, – сказала Хранительница времени. – Что же будет с бедными, слабыми и больными, если мы будем добиваться лишь собственного счастья?

– Служи людям, но сторонись их, – беззвучно процитировал Данте пятое правило своей присяги.

– Это наше предназначение, – напомнила ему Хранительница времени. – Тот, кто, как и мы, владеет особыми способностями, также несет особую ответственность. Речь идет о более высокой задаче, а не о нескольких секундах счастья.

Она сделала паузу и пристально посмотрела на Данте.

– Сколько людей ты подвел только для того, чтобы бессмысленно болтаться в столовой спортивного клуба? Скольким ты мог бы помочь за это время?

Данте кивнул. Он слишком хорошо понимал, что его путешествие к Лине ставит под сомнение все, что он когда-то обещал в «Ночь сов».

– Никогда не забывай, что ты всего лишь винтик в шестеренчатом механизме времени, – продолжил он цитировать присягу. – Целое важнее его частей.

Хранительница времени благосклонно кивнула.

– Глава «Лина» закончена, – решила она. – Теперь твоя очередь доказать, что ты можешь снова продолжить работу.

Данте снял хронометр и положил его перед собой на стол. Хранительница времени неподвижно смотрела на него.

– Ты сам лучше всех знаешь, какого наказания заслуживаешь.

Данте знал это и знал, куда идти дальше. Это место он уже изучил очень хорошо. Хранительница времени вышла из комнаты. Часы остались лежать на столе. Совершенно очевидно, глава невидимок не собиралась лишать его хронометра.

Не задерживаясь, Данте снова заглянул в отдел ревизии, где все дела, которые еще не были удовлетворительно разрешены после вмешательства путешественников во времени, были приняты на пересмотр во второй раз. Ксавьер поприветствовал его озабоченным взглядом.

Данте озвучил его мысли.

– Я говорил тебе, – передразнил он голос своего старшего коллеги. – Почему ты не послушался меня? От людей никогда не стоит ждать ничего хорошего.

Измученный, он опустил в кресло. У него было ощущение, что ему нигде нет места: ни среди смертных, ни среди невидимых. И что хуже всего – ни рядом с Линой. Его предназначение, как ясно дала ему понять Хранительница времени, было в другом.

– Теперь ты доволен? – спросил он.

– Как я могу быть доволен? – ответил Ксавьер. – Ты занял мое кресло.

– Закажи второе, – сказал Данте. – Я планирую остаться здесь навсегда.

– Добро пожаловать в клуб, – сказал Ксавьер. – Прошло достаточно много времени, прежде чем ты понял, что не можешь помочь людям.

– Хранительница времени совсем другого мнения, – сказал Данте.

– Как ты думаешь, почему я десятилетиями отбывал наказание? – сказал Ксавьер. – Я тебе вот что скажу: чувства – это как грипп, несколько дней мучаешься, но, в конце концов, это не более чем кратковременная слабость, приступ хандры.

Даже Ксавьер, который так критически относился к поручению путешественников во времени помогать людям, не верил в то, что чувства рожают добро. Данте был так подавлен, что едва не уступил вечному пессимизму. На какое-то мгновение он рискнул поставить под угрозу все, что составляло его жизнь. Просто чтобы быть с Линой.

Ксавьер взял голограммную книгу Лины из рук Данте, открыл дверцу так называемого хранилища, в котором, насколько Данте знал, хранились особо опасные дела. Огромный стеклянный сейф, который был настолько велик, что Ксавьер мог исчезнуть в нем целиком и полностью, был защищен толстым мутным стеклом. Можно было догадаться, сколько книг хранится в нем, но не узнать точно. Толстая дверь имела размер обычной входной двери и была защищена кодом.

– До церемонии еще целая неделя, – сказал он. – К тому времени ты поправишься и снова станешь нормальным путешественником во времени. Как и все остальные.

Данте кивнул. Его сердце говорило обратное.

8

Без тебя

– Ты еще должна загрузить посудомоечную машину! – пронзительно закричала Шарлотта.

– Почему я? Сейчас очередь Лины! – сердито возразила Фиона. – Она целую вечность не помогала по дому.

Соня закатила глаза. Лина шумно вздохнула. С тех пор как она увидела отрывок в полуобгоревшей газете, каждую секунду ждала, что что-нибудь случится. Во время езды на велосипеде с Йонасом она вспотела от беспокойства. У нее было такое чувство, будто речь идет о жизни и смерти, а младшие сестры в это время спорили о всяких пустяках.

– Я сделаю это, – сказала она.

Младшие сестры бросились из кухни, даже не оборачиваясь, чтобы еще немного посмотреть телевизор перед сном. Лина осталась с тетей, которая критически оглядела ее, как будто Лина должна перед ней объясниться. Ее приемная мать всегда могла вселить в нее чувство вины одним-единственным критическим взглядом. Лина потянулась за своей полупустой тарелкой, когда рука Сони обхватила ее запястье.

– Что это? – спросила она, скептически рассматривая хронометр. – Последний гаджет от Apple?

Лина была застигнута врасплох. Вместо ответа она лишь беспомощно взглянула на матово мерцающие часы, которые так изменили ее жизнь. Это, конечно, вызвало у Сони подозрение.

– Украденные? – встревоженно спросила она. – Дешевой эта вещь не выглядит.

Соня давала Лине совсем немного карманных денег, и то нерегулярно. Она наверняка знала, что Лина не могла позволить себе такую дорогую вещь.

– Позаимствовала у Бобби, – попыталась оправдаться Лина.

Соня с сомнением подняла брови.

– И она получила их от мамы на день рождения. Это бижутерия.

Тетю ответ не удовлетворил. Лина вспотела. Она инстинктивно почесала запястье. Шрам в том месте вдруг начал зудеть, как сумасшедший.

– Может быть, у тебя аллергия на эти часы, – недоверчиво сказала Соня. – Ты все равно мне кажешься чересчур бледной. Кто знает, из какого материала их там сделали. Импортные товары из Китая часто напичканы всякими химикатами. Отравление свинцом может выглядеть как желудочно-кишечная инфекция: рвота, спазмы в желудке, анемия и бледность кожи.

Лина отдернула руку.

– Эта штука может плохо повлиять на твоё здоровье, – настойчиво сказала тетя.

– Я сниму их, – сказала Лина. Предупреждения Сони стали желанным поводом удалиться в свою комнату – о кухонных обязанностях уже не было и речи.

С облегчением она закрыла за собой дверь и, обессиленная, упала на кровать. Она пыталась уснуть, но всякий раз, когда закрывала веки, видела перед собой загадочные глаза Данте. Как он там? На мгновение ей захотелось набрать на хронометре его номер сотрудника, чтобы расспросить о загадочной газетной статье из будущего, когда услышала снаружи шум мотора. Свет фар автомобиля, который, несмотря на ветер, погоду и поздний час, въехал на стоянку; блики мелькнули на стенах и осветили фотографию ее родителей. В глазах матери Лина прочла глубокую озабоченность. Или ей показалось?

«Забудь о путешественниках во времени», – снова слышала она голос Реи.

Подойдя к окну, она украдкой выглянула из-за занавески. Снаружи бушевала непогода. Яростные порывы ветра проносились по стоянке и раскачивали ворота. Ветка дерева беспрерывно ударялась о противоположную стену дома. Уличные фонари на стоянке противились ветру, кусты, окаймлявшие площадь, благоговейно клонились к земле. Шлагбаум, открывавшийся только перед клиентами «Сити-бокса» – склада ее тети – дрожал, словно в любую минуту мог сорваться. Мир трещал по швам. Будка сторожа «Сити-бокса» – в том времени являвшаяся рабочим местом Гарри Кинга – пустовала в темноте. Машина подъехала вплотную ко входу. Видимо, это был арендатор одного из складских боксов, приехавший так поздно.

Внезапно на мобильный телефон Лины пришло смс-сообщение. Свет от дисплея осветил комнату. Кто-то отправил ей послание в два часа ночи. Последним, кто так поздно писал ей, был Гарри Кинг. Осторожно Лина потянулась к телефону, словно от устройства уже исходила какая-то опасность. Сообщение было от господина Андерса, ее тренера. ***«Гандбольный лагерь отменяется»,*** – начиналось сообщение. Тяжелые тучи, бушевавшие уже несколько часов, не останавливались и над лагерем «Зеленое озеро», куда они собирались в Пятидесятницу. – ***Место,*** – говорилось далее, – ***полностью затоплено, крыша комнат общего пользования повреждена, комплекс в целом непригоден для жилья».***

Ранее Лина решила вернуться в день матча по гандболу. Это означало, что этот день она пережила во второй раз. И в то же время нет. Что означают эти сдвиги? Погода, которая вдруг стала такой мрачной? Отмена гандбольного лагеря? Ее пребывание в прошлом, откровенно говоря, изменило и ее настоящее. Невольно Лина вспомнила о пропавшей девушке из той статьи из будущего, которую она нашла наполовину обугленной на Айхберге. Что ее ждет? При чем тут Данте? Почему он значился под именем Отто? Она чувствовала, как земля уходит из-под ее ног. Возможно, Соня права: хронометр – это яд – не для ее тела, но для жизни. Возможно, ей удастся избежать своей участи, если она прекратит всякую связь с невидимками. Она вновь посмотрела на фотографию своих родителей.

Лина приняла решение: от хронометра нужно избавиться. Но как? Выкинуть? В бытовые отходы? Или еще лучше, отдать торговцу металлоломом в промышленной зоне? Или ей стоит утопить эту штуку прямо в реке? При мысли о том, чтобы попрощаться с последним осязаемым воспоминанием о Данте и Невидимом городе, у нее скрутило желудок. Если она уничтожит хронометр, то последний шанс когда-нибудь снова увидеть Данте будет упущен. Но у нее не было выбора.

Благоговейно Лина сняла хронометр, в последний раз прошлась пальцем по прохладному металлу и бережно положила его обратно в коробку с восьмиугольной звездой. Затем она сунула футляр под кровать вместе с плюшевой совой и газетными вырезками об аварии. Завтра она подумает, что с этим делать.

9

Счастливые номера

Тысяча вопросов пронеслась в голове Данте. Снаружи приготовления к церемонии шли полным ходом. В то время как улицы украшались и шла установка почетной трибуны для гостей в Куполе, день в отделе ревизии протекал вяло. Данте твердо решил больше не проявлять интереса к Лине. Но его сердце, к сожалению, было иного мнения. Без Лины, которая могла незаметно появиться за каждой стенкой стеллажа и лишь одним своим присутствием заставляла воздух вокруг дрожать, работа уже не доставляла удовольствия. Как он мог сосредоточиться на работе в исправительной колонии, как называли отдел ревизии, если Лина преследовала его в воспоминаниях?

– Она исчезла с радара, – украдкой прошептала ему Коко, когда он столкнулся с ней у входа в Купол. – Она попрощалась.

Для Данте эти слова были как удар под дых. Неужели Лина уже забыла о нем и вместо этого согласилась встречаться с Йонасом? Может быть, даже плавать? На мгновение он вспомнил тот день, когда плыл по реке вместе с Линой, и это причинило ему сильную боль. Почему отпустить ее так трудно? Его взгляд зацепился за хранилище, в котором была скрыта от посторонних глаз не только история Лины, но и судьба ее родителей. Между ним и Линой стоял четырехзначный код. Помимо Хранительницы времени, Ксавьер был единственным, кто знал комбинацию чисел, и черта с два он их где-нибудь записал, не говоря уже о том, чтобы передать ему. Все равно: он должен попытаться.

Пока он рассматривал только что поступившие жалобы, его взгляд скользнул к хранилищу. Как ему сосредоточиться на деле Лили Шварц, которая в детстве, в 1645 году, была спасена от утопления путем вмешательства путешественников во времени, а позже превратилась в профессиональную отравительницу? Ее дело оказало влияние на стольких людей, что шестьдесят шесть различных голограммных книг одновременно прибыли для пересмотра в отдел ревизии.

Данте не мог сосредоточиться. Он снова и снова косился на четырехзначный код на дверце шкафа. Он не мог думать ни о чем другом. Четыре цифры? При наличии везения и доли логики секретное число все-таки можно будет ввести. Склонность к лени его коллеги была безграничной. Данте не мог себе представить, чтобы Ксавьер потрудились придумать сложный код. С нетерпением он ждал, пока Ксавьер устроится в своем кресле. Он встал, голограммная книга соскользнула с места и звонко шлепнулась о землю. Испуганно он посмотрел на своего коллегу, который застонал. Он молчал до тех пор, пока дыхание Ксавьера снова не стало равномерным и спокойным, а веки не перестали дергаться. Только когда удовлетворенный храп заставил стеклянные книги дрожать, он продолжил. Его пальцы немного тряслись, когда он коснулся циферблата. Первым делом он попробовал номер сотрудника Ксавьера. Безуспешно. Его собственный также не сработал. Данте пробовал номер Лины, затем 0001 Хранительницы времени, пробовал разнообразные числа. Добравшись до 6666, он заметил внезапную тишину, окутавшую исправительную колонию. Храп Ксавьера прекратился. Украдкой Данте повернул голову в сторону и вздрогнул. Его коллега прислонился плечом к стене с книгами, небрежно скрестив ноги, и насмешливо улыбнулся. Данте отказался от своей затеи и дерзко ухмыльнулся в ответ.

– Нам не нужны неприятности, – пригрозил Ксавьер. – И никакая дополнительная работа.

Борьба началась. Ксавьер любил казаться незаинтересованным и ленивым, но он как никто другой был всегда начеку. Несмотря на предполагаемую сонливость, от него не ускользало ничего из того, что Данте делал, да и, пожалуй, даже думал.

Весь день Данте использовал любую подвернувшуюся возможность, чтобы попробовать снова. Всякий раз, когда он даже осмеливался приблизиться к хранилищу, Ксавьер тут же оказывался рядом. С приказом, вопросом, тяжелым похлопыванием по плечу.

– Ты оскорбляешь мой ум, – сказал он.

Ксавьер становился все загадочнее для Данте. Возможно, глава отдела ревизии имел для Хранительницы времени гораздо большее значение, чем до сих пор считал Данте: упорный страж ее секретов. Любопытство Данте перешло всякие границы, когда Хранительница времени как раз в этот день просила из хранилища одну книгу за другой. Данте пытался по минимальным движениям руки и плеча Ксавьера распознать последовательность, которая подскажет ему код. За обедом с Коко ему кусок не лез в горло от напряжения. Он просто смотрел на свою тарелку, когда к их столу подошел круглолицый мальчик и протянул ему руку.

– Рокус, – представился незнакомец. – Коко – моя крестная. А ты, должно быть, знаменитый Данте.

Коко криво усмехнулась. Как бы она ни гордилась тем, что ей позволили сыграть определенную роль на церемонии, – тот факт, что Инес выделила ей именно Рокуса, значительно поубавил ей радости.

– Да, я даже не знаю, чем я это заслужила, – цинично сказала она.

– Я тоже, – прозвучал сухой ответ Рокуса. Он был невосприимчив к любой форме сарказма. – Может быть, Хранительница времени, назначив тебя, хочет доказать, что даже люди с небольшим талантом могут быть полезны в Невидимом городе.

Черты лица Коко перекошились.

– Что, прости? – вмешался Данте. Он не мог поверить в то, что только что произнес новичок. Какой самодовольный идиот! Данте хотел было вступить за Коко и уже открыл рот, чтобы возразить, но Коко его остановила.

– Ты беспокоишься о нашем выступлении? – удивленно спросила она.

– Конечно, – сказал Рокус. – И у меня есть для этого все основания. После вчерашней репетиции. Ты вконец опозорила нас.

От его высокого голоса Данте передернуло. Слезы навернулись на глаза Коко. На ее лице смешались гнев, разочарование и угрызения совести.

– Это правда, – невозмутимо сказал Рокус. – Зачем мне возиться с дилетантами?

Он просто ушел. Данте вопросительно посмотрел на Коко.

– Я действительно не смогла прочитать текст, – негромко призналась она.

– Мы справимся, – сказал Данте. Он сделает все, чтобы «Ночь сов» прошла для Коко успешно.

10

Лабиринт

Ксавьер раздраженно застонал. Еще и это! Коко шагала туда-сюда в исправительной колонии, пытаясь повторить восемь основных правил путешествия во времени:

– Первое: будь готов. Второе: отдавай больше, чем получаешь взамен. Третье: не теряй времени. Четвертое...

Она запнулась.

– Четвертое: прямой путь всегда неверный... – помог Данте.

– Вы что, издеваетесь? – пожаловался Ксавьер, который как раз болтался у хранилища, чтобы убрать книгу.

– Я должен ей помочь, – сказал Данте.

Ксавьер покачал головой.

– Не здесь, – мрачно сказал он. – И не так долго.

– Ты же знаешь, что здесь происходит, – настаивал Данте. – Город забит. Тихого уголка нигде нет.

– Здесь тоже нет, – буркнул Данте Ксавьер. – И это при том, что я никогда не встречал никого, кто так плохо запоминает.

– Я все слышала, – смущенно сказала Коко.

– Это правда, – теперь уже вслух сказал Ксавьер. – Ты скорее запихнешь зубную пасту обратно в тюбик, чем текст в ее голову.

– Вот именно, – обиженно сказала Коко. – Я как раз проблемный случай. При этом я стараюсь. И все будет гораздо лучше. Еще несколько часов практики с Данте...

Ксавьер неотрывно изучал потолок комнаты, словно там, наверху, было что-то интересное. У Коко был врожденный талант раздражать других. Как и в случае с ее учительницей, которая трижды терпела ее провалы на курсе «*Как стать невидимкой для новичков*», прежде чем выдать ей, близкой к безумию, диплом. Данте уже собирался проводить Коко на улицу, когда краем глаза заметил, что Ксавьер не запер дверь в хранилище с обыкновенной тщательностью. Ксавьер был так зол на Коко, что, казалось, даже не заметил этого. Это и есть та возможность, которую он ждал?

– Я уже ухожу, – пообещала Коко. – И не бойся! Я никому не скажу, что ты отослал меня в самый разгар подготовки.

– Ты угрожаешь мне? – спросил Ксавьер. Он явно сдерживал себя. Коко определенно вызывала в нем самый сильный гнев.

– Ни за что на свете, – сказала Коко. – Я привыкла, что все идет не так.

Она уже хотела уйти, но снова остановилась.

– Еще один вопрос, – сказала Коко. – Что, собственно, происходит, когда портишь церемонию: отправляют ли тебя тогда в исправительную колонию?

Челюсть Ксавьера скривилась.

– Это было бы справедливо, – сказала Коко. – Тогда я помогу тебе, потому что ты терпел меня несколько часов.

Ксавьер сдался.

– Я пойду есть, – сказал он. – У вас есть полчаса. Ни секунды больше.

Он бросил все дела, прежде чем ему в 487 раз пришлось бы выслушать, как Коко терпит неудачу при воспроизведении восьми основных правил путешествий во времени. Хлопнув дверью, он покинул отдел ревизии.

Данте глубоко вздохнул. Неужели это действительно правда? Поспешно приблизившись к хранилищу, он обнаружил, что дверь в самом деле была приоткрыта. Совершенно очевидно, что ему самому придется вспоминать присягу. Как звучало правило номер четыре? Прямой путь всегда неверный. Он просто хотел помочь Коко, и вдруг неожиданно появилась уникальная возможность подобраться поближе к собственной цели.

«Полчаса», – сказал Ксавьер. Этого было более, чем достаточно. Данте решительно распахнул тяжелую стеклянную дверцу шкафа. Лихорадочным движением он перелистывал разноцветные корешки голограммных книг. Ариана Фишер, Матти Вернер, Флориан Уайлд... имена и лица ни о чем ему не говорили. Книги Лины нигде не было видно. Но ведь он видел, как Ксавьер положил ее в шкаф!

Коко было слишком хорошо известно, что Данте снова на неверном пути.

– Восьмое, – испуганно воскликнула она и подняла руку для клятвы. – Молчи, как могила.

Данте взял в руки один из стеклянных экземпляров, чтобы проверить, замаскированы ли надписи, когда заметил что-то необычное. Он приблизил лицо к образовавшейся с этой стороны щели, а затем провел на расстоянии мокрым пальцем. Сомнений не было. Он почувствовал слабый поток воздуха. Что это? Торопливо вытаскивая каждую книгу, Данте ощупывал боковые стенки и полки в поисках потайного выключателя, рычага, чего-нибудь, но ничего не двигалось. Время утекало сквозь пальцы. Разозлившись, он шагнул к шкафу. Полки качнулись в сторону, открывая вид на длинный коридор. Это был не сейф, это был секретный вход. Но куда?

Коко бросила бесполезные попытки вспомнить правила. Нерешительно она подошла ближе и заглянула вместе с ним в бездну.

– Лучше не ходи туда, – прошептала она. – Не нравится мне это. Кто знает, что тебя ждет?

– Ты следишь за дверью, – определил Данте. Сам он давно принял решение. – Когда Ксавьер вернется, ты начнешь с первого пункта.

Коко покачала головой, потом немного убежденно кивнула и тут же снова покачала головой.

– Из-за этого будут неприятности, – сказала она.

Данте знал, что она права. Но ничто не мешает ему сейчас сделать это. Он положил руку на плечо Коко.

– Ты мне доверяешь?

– Да.

– Мне нужна твоя помощь.

Коко просто смотрела ему вслед, когда он с любопытством вошел в бесконечно длинный унылый коридор. Нигде не было видно даже пылинки. Все выглядело стерильно чистым, как будто здесь, внизу, постоянно находились люди. Как и в «Агентстве ударов судьбы» и отделе ревизии, стены были заставлены полками, забитыми стеклянными голограммными книгами. Данте посмотрел внимательнее и не поверил своим глазам. Он знал имена, лица на корешках книг! Здесь были Инес, Коко, коллега, который почему-то всегда получал рыцарские роли, стражники из Купола, Ксавьер. Он понял, что идет по следу большого дела. Его сердце забилось быстрее. Здесь хранились самые темные тайны Невидимого города. Здесь хранились истории самих путешественников во времени. Никто никогда не говорил о том, откуда появились невидимки и кто их родители. Сколько он себя помнил, Данте был частью сообщества путешественников во времени. На его памяти он никогда не был ребенком. Его первые воспоминания вращались вокруг церемонии, на которой он был принят в сообщество: обучение, вступительный тест, подготовка к принятию присяги, «Ночь сов». Как будто он родился только в тот момент, когда принял на себя роль путешественника во времени. Любое воспоминание о существовании за пределами Невидимого города, казалось, было стерто непостижимым обра-

зом. До сих пор он никогда не считал это странным, это было частью его самого, как и всех остальных. Но в этот момент он понял, что прошлое существовало. Даже у путешественников во времени. Оно действительно было и, более чем вероятно, навечно заперто в этих книгах. Люди, как и Лина, постоянно интересовались своим происхождением и собственной историей. Но для путешественников во времени действовали другие правила.

«Тот, кто владеет собственным прошлым, не может заботиться о других», – часто говорила Хранительница времени. Данте часто бунтовал в небольших масштабах, но были правила, которые он никогда не подвергал сомнению, так же как он не подвергал сомнению закон гравитации. Теперь все вдруг для него прояснилось. Никто не рождается в подростковом возрасте, даже путешественники во времени. Были ли у него родители? Кто научил его говорить? А читать и писать? Видимо, он прошел процедуру, которая стерла всякое воспоминание о жизни за пределами Невидимого города.

Данте почувствовал особое волнение. Где его собственная книга? Он обыскивал ряды и подмечал, что от главной дороги ответвляются все новые и новые коридоры. Это был не громоздкий сейф, не простой проход, это был неуправляемый стеклянный лабиринт, простиравшийся здесь, внизу. Параллельный мир, о котором он не подозревал. Коридоры вели во все стороны. Бесконечные полки с книгами. Голограммы на книжных корешках удивленно глядели ему вслед, словно он нарушил их вечный покой. Он метался по коридорам и рядам, перебирая корешки и пытаясь понять, по какому принципу они упорядочены.

Внезапно он услышал Коко.

– Правило номер один, – прокричала она. – Будь готов. И лучше сейчас.

Это могло значить лишь одно: Ксавьер вернулся. Гораздо раньше, чем ожидалось. Этого еще не хватало.

– Я всегда говорил, – проревел Ксавьер. Его голос эхом разнесся по лабиринту. – От такого человека у нас одни проблемы.

Он сделал паузу. Данте услышал, как ему ответил приглушенный голос. Видимо, он переговаривался по хронометру.

– Нет, ни в коем случае, – услышал его возмущение Данте. – Я больше не могу его контролировать.

Снова пауза. С кем он говорил?

– Хранительница времени чересчур долго была слишком любезна с ним. Теперь нам пора что-то предпринять, – настаивал Ксавьер. – Все остальные, зараженные человеческими вирусами, давно бы уже оказались на перепрограммировании.

Данте не знал точно, что скрывается за этим названием. Должен ли он во второй раз пройти процесс забвения, который они все прошли до прибытия в Невидимый город? «Перепрограммирование» звучало как смертный приговор.

Данте отказался продолжать поиски собственной книги. Он прекрасно мог существовать без прошлого, если только ему оставят это воспоминание. У него не было времени смириться с собственной судьбой, потому что он должен был найти книгу Лины – до того, как Лину вычеркнут из его памяти. Смогла бы она это сделать? Данте не хотел рисковать.

Хлопнула дверь, шаги приближались. Он хотел убежать и через несколько шагов наткнулся на стеклянную стену. Склонность Хранительницы времени заставлять своих посетителей блуждать в Куполе была легендарной, а стеклянный лабиринт под землей поражал во много раз сильнее.

Откуда же он пришел? Данте давно понял, что заблудился. Его глаза беспокойно метались по книжным корешкам. Он испугался, когда вдруг уставился в пронзительно яркие глаза Гарри Кинга. Что, во имя всего, здесь делает его книга? Среди всех путешественников во времени? Что это значит? Шаги приближались, звук цокающих каблучков эхом разносился по коридорам. Данте потянулся за книгой. Едва кончики его пальцев коснулись прохладного стекла, как

раздался сигнал тревоги. Проектор был направлен на него. Только сейчас он заметил, что повсюду висели камеры, глаза которых теперь бесшумно поворачивались в его сторону. Данте подавил панику и гнев. Он наивно думал, что сама дверь уже представляет собой главное препятствие. Каждая книга была снабжена сигналом тревоги. Издалека он услышал топот людей и возбужденные голоса. Сколько у него осталось времени?

Торопливо он раскрыл книгу. Движущийся образ Гарри Кинга выскочил ему навстречу. На нем был легкий длинный пиджак до колен, белый жилет, широкие светлые брюки со стрелками и рубашка с высоким воротником и галстуком-бабочкой. Это был не Гарри Кинг, это был один из его предков другого времени. Шаги приближались. Данте беспокойно перелистывал страницы. С виртуальных страниц поднимались движущиеся образы давно минувших времен. Кинг спешил по улицам старого города. Экипажи, деревянные кареты и повозки грохотали по булыжной мостовой. Мужчины были в костюмах и шляпах, женщины – в длинных юбках и широких шляпах. На ходу он поманил к себе газетчика и приобрел экземпляр «Утра». Вверху в углу красовалась дата. *15 мая 1900 года.*

Кинг поспешил дальше в кондитерскую и протиснулся вглубь помещения, где в нише его уже кто-то ждал. Это была Рея, мать Лины.

– Нам нужно поговорить, – задыхаясь, сказала она.

Данте с трудом мог поверить в то, что увидел.

В этот момент к нему подошел охранник. Со всей силы он выбил книгу у него из рук. Она упала на землю и разбилась на тысячу осколков. Охранник пристально посмотрел на него. Его зрачки были крошечными, как булавки, и выглядели совершенно бездушными, словно принадлежали инопланетному существу, машине. Он был одет в черную форму. За ним поспешил второй мужчина. Это были не те охранники, которых Данте знал из Невидимого города. Это были люди, которых он никогда не видел.

Данте понял, что под Невидимым городом существует целый мир, о котором он даже не подозревал. И к тому же: Рея и Кинг? Вместе? Что все это значит?

– Данте, Данте, Данте, – сказал голос. Из темного коридора к нему подошла Хранительница времени. Казалось, она двигалась по лабиринту без усилий, словно могла проходить сквозь стеклянные стены. Совершенно очевидно, что проходов было несколько. А значит, и несколько путей побега. Это дало ему надежду. Быстрым взмахом руки она велела охранникам удалиться.

– Что это за место? – спросил он. – Почему мы не знаем о стольких вещах?

– У меня всегда была к тебе слабость, – сказала Хранительница времени, не отвечая на его вопрос. – С твоими талантами ты мог бы добраться до вершины нашей организации. Но в какой-то момент я уже не смогу защитить тебя от самого себя.

– У меня тоже есть такая книга? Как и у всех остальных? Что в ней написано?

– Достаточно того, что я сама обо всех забочусь, – сказала Хранительница времени. – Вы не должны думать ни о чем лишнем, чтобы заниматься своими обязанностями.

– Как мне об этом не думать, – спросил Данте, – когда я знаю, что здесь, внизу, хранится столько тайн?

– Ксавьер предупреждал меня о тебе. Я не хотела его слушать. К сожалению, он был прав.

– Это была ловушка? – спросил он.

– Тебе не нужно бояться, – сказала Хранительница времени. – Мы просто начнем все сначала и освободим тебя от душевного балласта, накопившегося за последние недели. И в следующую «Ночь сов» ты снова будешь с нами. Как чистый лист.

Данте почувствовал на своем запястье какую-то вспышку. Он вздрогнул. Его рука болела так, словно ее отрубили заживо. Взгляд на его хронометр подтвердил его худшие опасения: *Деактивация через 60 секунд, 59, 58, 57.*

Что ему оставалось делать? Меньше чем через минуту все будет кончено. Данте всегда гордился тем, что является частью сообщества путешественников во времени. Несмотря на все конфликты, для него было честью служить Хранительнице времени. Теперь он уже не был уверен, кто перед ним. Он знал только одно. У него не было ни малейшего желания начинать все сначала. Он хотел продолжить именно оттуда, где остановился.

Он хотел знать, в какую игру играет Хранительница времени. Как можно более скрытно его рука потянулась к хронометру. В обычной ситуации он мог вслепую навести восемь стрелок на желаемую дату. Теперь ему стоило всех его сил в принципе двигать телом. Еще двадцать секунд. Его пальцы добрались до кнопок.

– Включите его в перепрограммирование. Пора нам навести порядок в его голове, – сказала Хранительница времени. – Уведите его.

Она отвернулась. Наблюдать за происходящим у нее не было никакого желания. Как будто она была уверена, что ее приказ будет исполнен.

Данте понял, что жизнь, которую он знал, подошла к концу. Он переступил невидимую границу и проник в сферу власти Хранительницы времени. Еще несколько кнопок, еще несколько регулировок. Первый охранник коснулся его руки. Данте ловко нырнул под него. Он побежал, наткнулся на полку, стекло звякнуло. Он повернулся и швырнул попавшуюся книгу в своего преследователя. У Данте был только один шанс. Он поставил все на карту и прыгнул в другое время. Он надеялся, что оставшихся секунд хватит, чтобы достичь своей цели.

11

Обычная девятиклассница

Первое утро после Пятидесятницы началось как и любой другой день: на кухне кипело молоко, а на верхнем этаже – Соня. Три девушки довели ее до границ отчаяния. Шарлотта не вставала с постели, а Фиона уже через пятнадцать минут после того, как встала, была на грани нервного срыва.

– Мне нечего надеть, – жаловалась она.

В лихорадочных поисках подходящего свитера для нового школьного дня она уже разложила на полу половину содержимого своего гардероба. Лина воспользовалась благоприятной возможностью, чтобы первой ворваться в ванную. После того как она сняла хронометр, праздники стали казаться почти нормальными. То, что часы по-прежнему лежали под кроватью, а Лина все еще не решалась что-то с ними сделать, ее угнетало. Она работала на складе, убирала свою комнату и с тоской ждала возвращения Бобби, которую после отмены гандбольного лагеря мать повезла в горы. Лина не могла дожидаться возвращения подруги из альпийской «мертвой зоны» и тем больше торопилась, все нужно было сделать быстро: умыться, почистить зубы, расчесаться, позавтракать на ходу, куда подевался второй ботинок? А куртка?

– Где мой замочный ключ от велосипеда? – на весь дом крикнула Лина.

– Наверное, в прачечной, – укоризненно воскликнула тетка. – Вместе с твоей грязной курткой.

Лина вздохнула. Об этом ей давно следовало позаботиться. Она рылась в подвале в горе белья, как вдруг услышала что-то позади себя. Она остановилась. Там кто-то был. Почувствовав холодное дуновение ветра, тянувшегося через открытую дверь, она услышала тихий скрип резиновых подошв по каменному полу. Она обернулась и взглянула в дерзкие глаза Фионы, которая выловила из белья свою любимую толстовку. И не только. С провокацией крутила она велосипедный ключ Лины на указательном пальце.

– Что я получу взамен? – спросила она.

– Ничего, – сказала Лина.

Но у Фионы уже появилась идея. Она достала из кармана хронометр.

– Можно я надену его сегодня? – спросила она.

Лина смотрела на нее с ужасом.

– Я искала свой свитер, – сказала Фиона. – В последний раз я видела его у тебя в комнате. Возле кровати. А потом нашла вот это.

– Отдай, – сказала Лина. Она старалась держаться как можно спокойнее, чтобы не вызвать в Фионе еще больше любопытства. Неизвестно, что могло бы случиться, если бы она начала разглядывать хронометр.

– Выглядит круто. Такой таинственный. Кнопки, для чего они?

Лина бросилась к Фионе и одним быстрым движением вырвала хронометр из ее рук.

– Никогда больше так не делай, – сказала она.

– Это была просто шутка, – сказала Фиона, потирая руку. – Радуйся, что я нашла эту штуку, а не мама.

Измученная, Лина надела хронометр. Ей нужно что-то придумать. Как можно скорее. Нельзя больше рисковать и оставлять часы без присмотра. Она натянула рукав свитера на запястье и торопливо протиснулась мимо Фионы. Теперь произошло то, что она хотела предотвратить любой ценой: хронометр снова был на ее запястье. Она надеялась, что он не повлечет новые неприятности.

12

Лучшие подруги

Генриетта Альберс припарковала автомобиль на площади Веннингера. Бобби вздохнула. Благодаря матери, которая как специалист по гипотетическим катастрофам всегда и везде опасалась пробок, строительных площадок и непредсказуемых препятствий, они «слишком рано» приехали на «Недельный проект прошлого», который начался в первый же день после Пятидесятницы. Площадь перед городским музеем была безлюдна.

– Ненавижу опаздывать, – извинилась Генриетта Альберс.

– Слишком рано тоже непунктуально, – пожаловалась Бобби.

Ее раздражало, что мама не жалела ее времени. Как будто в пятнадцать лет нет ничего лучше, чем бесконечно долго стоять перед городским музеем. Почему ее мама не была такой, как у Хлои? Она отлично выступала на публике и появлялась на школьных мероприятиях в основном последней, давая понять, что достаточно важна, чтобы все остальные ее ждали.

К сожалению, Бобби была не единственной, кто страдал от хронически ранних приездов. Именно Амалия Айзерманн была заражена тем же вирусом. В развевающемся пальто, с распущенными волосами учительница биологии и истории неслась вперед. В чертах ее лица отражалась паника, словно она пыталась в последнюю секунду успеть на уходящий поезд. Бобби снова вздохнула. Слишком рано появиться на классной экскурсии – несправедливое требование, ждать – наказание, но приехать одновременно с учительницей – просто ад.

– Вот и замечательно, – восторженно произнесла Генриетта Альберс, заметив госпожу Айзерманн. – Я могу прямо сейчас поговорить с твоей учительницей насчет биологии.

– Не надо! – воскликнула Бобби. – Даже не думай.

Она ненавидела, когда ее мать считала, что должна заботиться о школьных делах Бобби. Но Генриетта Альберс уже переключилась в образ матери-львицы и ринулась в атаку.

– Не может быть, чтобы она просто зачеркнула тебе пятерку, – возмутилась она.

Госпожа Айзерманн вчера сообщила всем ученикам по электронной почте, что работа по генетике должна быть написана повторно после родительских протестов. В своем видеоблоге Хлоя хвасталась, что подослала отца к Амалии Айзерманн. У нее, видимо, не было проблем с тем, чтобы родители вмешивались в ее жизнь. Отец Хлои, нынешний глава заводов Веннингера, постоянно жаловался на учителей своей дочери. Если в честь тебя называли школу, то это представляется возможным.

– Если ты начнешь разговор с госпожой Айзерманн, то от меня ты больше никогда не услышишь ни слова, – пригрозила Бобби. – Я просто напишу работу еще раз. Как и все.

Благодаря ее фотографической памяти нельзя было и предположить, что в ближайшие годы она забудет законы Менделя. За исключением музыки и спорта, где Бобби неисправимо отставала, у нее всегда были пятерки.

– Коллективные наказания недопустимы, – настаивала на своем Генриетта Альберс. – Они не могут отказать тебе в хорошей отметке только потому, что какая-то ученица прервала урок.

– Разве Лина виновата, что у нее икота? – защищала Бобби подругу.

– Ты на нее совсем не сердишься? – озадаченно спросила Генриетта Альберс.

– Ни капельки, – сказала Бобби. – Зачем мне это?

Она тут же вспомнила Йонаса и игру в гандбол – и странные чувства в животе, которые терзали ее после неожиданного поцелуя в столовой, когда она думала о Лине.

– То, что хорошо для Лины, далеко не хорошо для тебя, – сказала мама.

– Это просто отметка, – сказала Бобби.

Мать окинула ее оценивающим взглядом.

– По-моему, тебе стоит постараться высказать свое мнение Лине, – сказала она.

Бобби потянулась к дверце машины, прежде чем ее мать успеет подумать вслух о том, подходит ли Лина Бобби.

– Мы подруги, – решительно сказала она, выходя, – лучшие подруги. Немного икоты ничего не меняет.

С облегчением она обнаружила, что первые одноклассники уже вошли. Никого из вновь прибывших особо не волновала Бобби. Все говорили только о повторном написании работы по биологии.

– Я так рада, – взвизгнула Софи. – У меня была тройка.

– А у меня двойка, – крикнул Йонас, привязывая свой велосипед к фонарному столбу.

Бобби предпочла не вмешиваться. Первенство в классе не было тем, чем она могла бы отличаться перед своими одноклассниками. Никто не поинтересовался, что она думает об аннулировании ее оценки. Нерешительно переступила она с ноги на ногу. Ее надежда на то, что с ее первым голом в гандболе хватит впечатлений на остаток учебного года, лопнула, как мыльный пузырь. Быть Бобби было здорово и замечательно, пока она могла посвятить себя своим проектам дома. На публике это было явно утомительно.

Смущенно она потянула молнию. Вверх, вниз, вверх, вниз. Почему не существовало трюка, способного внезапно сделаться невидимкой? Или внезапной трещины в земной коре, в которую она могла бы охотно провалиться? Может быть, ей следует, как несколько месяцев назад предложила госпожа Айзерманн, перейти в следующий класс? Но лучше ли ей будет там? Без Лины?

– Доброе утро, – раздался бодрый голос. – Я так, так, так скучала по тебе!

Две руки сомкнулись вокруг нее сзади.

– Я так рада тебя видеть, – сказала Лина, поворачивая Бобби к себе и целуя в щеку. Объятие так приятно подействовало на Бобби, что она едва не расплакалась.

– Так долго без тебя я больше не продержусь, – пролепетала Лина. – В следующий раз мы проведем вместе выходные. Договорились?

Лина встретила ее так радостно, что Бобби стало стыдно за каждую злую мысль, которая приходила ей в голову с тех пор, как она играла в гандбол. С чего бы ей ревновать к Лине? Жизнь была намного лучше рядом с лучшей подругой. В компании Лины она уже не успевала обращать внимание на взгляды своих одноклассников. Или на то, что делал Йонас.

– Прекратить болтовню, – воскликнула госпожа Айзерманн и энергично захлопала в ладоши. Она собрала разбросанные группы вместе перед входом в музей.

– История, – начала она свою лекцию, когда все встали вокруг нее, – это всегда жизнь о великих. Мы говорим о королях, императорах, о полководцах и знатных господах. О простых людях мы знаем слишком мало.

Она взмахнула листками с заданиями, которые подготовила для междисциплинарной проектной недели. На первой странице красовалась крупная фотография ее предка, которую учительница приготовила еще к экзамену по генетике. Серьезная девушка, которая так походила на госпожу Айзерманн, была одета в свободный сюртук и славный белый фартук поверх мышиного серого платья с высоким стоячим воротником. Внушительный нос и энергичный подбородок четко указывали на родство с Амалией Айзерманн.

– Матильда Айзерманн здесь примерно вашего возраста. Когда эта фотография была сделана в 1900 году, у нее на попечении было десять братьев и сестер и работала она неквалифицированным рабочим в компании Венделина Веннингера.

– Какое совпадение, – взволнованно воскликнула Хлоя.

Она сделала вид, что не понимает, что в городе едва ли найдется семья, чья судьба никак не была связана с Веннингерами. Даже городской музей был фондом основателя компании, чья фигура из камня мрачно смотрела на школьный класс со своего места на фонтане.

– В ближайшие дни мы узнаем, на что была похожа жизнь Матильды.

Лина застонала, когда учительница прочитала заголовки заданий: «Личная гигиена», «Питание», «Школа и образование», «Быт», «Трудовая жизнь», «Брак и семья», «Болезни и досуг».

– Мода, – воскликнула Хлоя. – Я беру моду.

Госпожа Айзерманн проигнорировала ее реплику.

– Вы будете работать группами, – объявила строгий заместитель директора.

– Мы с Софи берем моду, – вмешалась Хлоя, не привыкшая к тому, чтобы ей отказывали. – Мы всегда интересовались модой.

– Матильда Айзерманн радовалась, что у нее вообще было что надеть, – резко прервала ее госпожа Айзерманн. – Там, где царит бедность, для моды не остается места.

– Тогда досуг, – невозмутимо сказала Хлоя. – Досуг звучит хорошо.

– Вы будете заниматься условиями работы на заводах Веннингера, – определила госпожа Айзерманн. – Детский труд, право голоса, аспекты здоровья.

Хлоя открыла рот и снова закрыла его. Заместитель директора так резко взглянула на нее, что она уже не смела возразить. Возражения госпоже Айзерманн не проходили безнаказанно.

– Что нам взять? – спросила Бобби у Лины. – У тебя есть идея?

– Вы обе займетесь жилищными условиями, – приняла решение госпожа Айзерманн.

Она передала им листы и раздала оставшиеся темы остальным командам из двух человек.

– У вас есть время до 16:00, – объявила она.

Ученики взяли свои задания и билеты и приступили к штурму музея. Лина, погрузившись в себя, потащила внутрь.

– Ну? – взволнованно спросила Бобби. – Как обстоят дела с таинственными часами с датой? Ты еще что-нибудь узнала за время Пятидесятницы?

Бобби все еще была прежнего мнения: Лина нашла хронометр среди вещей родителей и не знала, что с ним делать.

– Наверное, это просто украшение, – уклончиво сказала она. – Ничего захватывающего.

Взгляд Лины скользнул через Бобби к какой-то дальней цели. Бобби обернулась. Лина со всей серьезностью уставилась на пустую скамью, словно это было ее тайное желанное место. Бобби замахала руками перед лицом подруги.

– Это не может быть все, – возмущенно сказала она. – Странные световые знаки, тепло, материал. Мы же все это не выдумали!

Взгляд Лины вернулся к действительности. Она выглядела потерянной, словно вернулась из далекой галактики.

– Даже если и так, – сказала Лина.

Бобби не могла понять, почему ее подруга внезапно перестала стремиться докопаться до сути.

– Неужели тебе больше не интересно? – отрешенно спросила она.

– Сначала я должна убедиться, что не останусь на второй год, – сказала Лина.

На ходу она читала написанное на листе.

– Опишите типичное утро в жизни Матильды Айзерманн, – прочитала она вслух. – Утренняя рутина, это не помешало бы Хлое.

Бобби ухватила ее за рукав.

– Ты хочешь сдать? – ошеломленно спросила она.

– Я не хочу больше тратить время на размышления о прошлом, – сказала Лина.

Бобби ненавидела нерешенные sudoku, пустые поля в кроссворде ежедневной газеты и неразгаданные загадки. Бобби доводила до конца все, что начинала. Только когда дело не касалось восьмисотметровой пробежки на тренировке по гандболу, где у нее регулярно кончался воздух на отметке в четыреста метров.

– Мы могли бы поискать «Совиную нору», – взволнованно предложила она. – Могли бы разыскать магазин часов. Там точно должны знать, как работает эта штука. Кто-то что-то да знает. Нам просто нужно найти подходящего человека.

Вместо ответа Лина исчезла во вращающейся двери музея. Бобби вошла в автоматическую дверь, предназначенную для инвалидов колясок, и была уже там, когда Лина вошла внутрь.

– Ты читала статью о своих родителях? – продолжала она говорить. – Это же интересно. Тут идет речь о втором транспортном средстве. Возможно, у твоих родителей были преследователи.

– Я не могу находиться в двух местах одновременно, – сказала Лина. – В прошлом и здесь. Я просто хочу забыть о том, что произошло.

– Что с тобой случилось? Ты говоришь как твоя тетя, – пожаловалась Бобби.

– А если и так, – сказала Лина. – Может быть, Соня права. Нужно оставить прошлое и сосредоточиться на настоящем. Когда ты всегда думаешь только о том, что потерял, то становишься несчастным. – Она взмахнула листком с заданием. – Давай наконец начнем.

Бобби не интересовало, в какой постели спала прабабушка Амалии Айзерманн, в какое время она вставала, как умывалась, чистила зубы или приходилось ли ей готовить завтрак для младших братьев и сестер. Как ей посвятить себя прошлому, если она даже не понимает настоящего? Ее подруга была для нее загадкой.

Бобби встала перед Линой.

– В чем дело? – невольно спросила она. – Что-то изменилось.

Она не двинется с места, пока не получит ответ.

13

Тысяча вопросов

Взгляд Бобби был пронзительным. Ей одновременно стало и жарко, и холодно, и неловко. Из-за упорного любопытства Бобби, с которым она задавала вопросы, лгать было почти невозможно. Ее рука потянулась к хронометру. Один прыжок во времени, и она могла бы молниеносно ускользнуть от ситуации. Но она вновь отбросила эту мысль. Слишком велик был риск вызвать гнев Хранительницы времени.

– Я больше не могу позволить себе получить плохую отметку, – сказала она, как будто этим все и объяснялось.

Она прошла по вестибюлю музея в направлении обзорного плана, когда внезапно ей кое-что бросилось в глаза. Она в замешательстве остановилась. Ее взгляд был прикован к плакату старой выставки, посвященной истории заводов Веннингера. Как павлин, аптекарь позировал со своими рабочими перед собственным основным предприятием в центре города. Девушки, едва старше ее и Бобби, выглядели испуганными и несчастными. Не строгие платья, бледные и безрадостные лица привлекли внимание Лины. Там было что-то еще. Лина подошла ближе. Но это было... могло ли такое быть? На заднем плане пробежала размытая фигура в черном плаще и с белой копной волос. Лина прочитала подпись: *«Празднование трехлетнего юбилея завода. 15 мая 1900 г. Фото: Якоб Расмус»*. Неужели тоска сыграла с ней злую шутку? Было ли у Данте задание в 1900 году? Он снова путешествовал? Шутил ли он над ней? Посылал ей секретные сообщения? Воспоминания о Данте кружили вокруг Лины, как рой комаров. Они постоянно вертелись вокруг ее головы и обрушивались на нее каждый раз, как только она становилась невнимательной. Каждый раз, когда она чувствовала, что избавилась от вредителей, все начиналось сначала. Данте, Данте, Данте. Лина встряхнулась. «Полный бред, – сказала она себе. – Это просто мода. В 1900 году многие мужчины носили темные пальто».

«Почему бы тебе не заглянуть в 1900 год?» – воскликнул голос в ее голове.

Хор радостно подхватил эту мысль. «А раз ты отправишься туда, то вполне сможешь подружиться с Матильдой Айзерманн. Тогда и узнаешь все об ее утренней рутине, – восторженно говорили они. – Тебе нужна хорошая отметка. Собственный опыт превосходит любые прочитанные знания».

«Зачем посещать музей, если ты сама можешь путешествовать в прошлое? – прозвучало в ее голове. – То, чем ты занимаешься здесь, – пустая трата времени».

Хор болтал, хор знал все лучше, хор нервничал.

– Это не пустая трата времени, – воскликнула Лина. – Это моя жизнь.

Ее голос эхом отразился в выложенной мрамором прихожей. Обернувшись, она испугалась. Там стояла Бобби, и на ее лице было написано изумление. Лина даже не могла ее винить. Что бы она подумала, если бы увидела, как кто-то странно суетится и разговаривает сам с собой?

«Забудь о путешественниках во времени», – умоляла ее мать.

Но все было не так просто. Историческая фотография волшебным образом притягивала ее.

Таинственный человек на заднем плане, которым, возможно, мог быть Данте, тем временем перемещался от правого края изображения к левому, как будто совершенно случайно проходил мимо в момент съемки. Лина резко отвернулась. Не стоит думать об этом. Она была обычной девятиклассницей. Она больше не будет отвлекаться.

Лина поспешила к обзору этажей. Первый этаж был посвящен Средневековью, второй этаж – переходу от ремесел к промышленности, на нем был изображен быт разных веков.

– Нам нужно на третий, – сказала она, указывая на план.

По выражению лица Бобби можно было понять, что ее попытка казаться счастливой, веселой и простодушной основательно провалилась.

– Я не верю, что твое собственное прошлое тебя больше не интересует, – сказала Бобби. – С тех пор как мы познакомились, ты думаешь о своих родителях. Затем ты находишь часы и сразу решаешь на это забыть?

– Ты делаешь из мухи слона, – отмахнулась Лина.

– Если ты мне объяснишь, я, может, смогу понять, – тихо сказала Бобби. – Мы же подруги.

Лина стояла спиной к стене. Беспомощность превратилась в злость.

– Подруга тоже знает, когда перестать задавать вопросы, – вырвалось у нее. – Я же не спрашиваю тебя, когда ты наконец поладишь со своей мамой или почему ты так странно смотрела на Йонаса на вечеринке после гандбола.

Лина тут же пожалела о своих словах. Последнее у нее просто так выскользнуло, нечаянно. Постоянное давление рождало в ней самое плохое. Несколько одноклассников с любопытством повернулись к ней.

Бобби испуганно отпрянула от резкой реакции Лины.

– Я тебя не узнаю, – сказала она тоненьким голоском.

– Ерунда, – подбодрила ее Лина. – Все в порядке. Я такая же, как всегда.

А потом, совершенно внезапно, из ниоткуда, прикосновение, рука на ее плече. Электрический разряд пронесся по ее телу. Она вытянула локоть и дернула его назад. Обернувшись, она узнала Йонаса. Он корчился от боли. Прямое попадание.

– О боже мой, прости, – пролепетала Лина. – Ты в порядке?

Йонас хватал ртом воздух и держался за бок.

– Все нормально, – подчеркнул он, его лицо исказилось от боли. – Именно так я выгляжу, когда счастлив.

– Мне так жаль, – снова повторила Лина.

Опять же она искренне желала, чтобы с помощью нескольких кнопок на ее хронометре она могла просто все исправить. Но она запретила себе это. И это было ей запрещено. Бобби наблюдала за сценой с открытым ртом. Лина слишком хорошо понимала, что происходит в голове ее подруги. Она сама только что убедительно доказала того, что у нее не все дома.

– У вас тоже быт? – спросил Йонас, снова переводя дыхание. – Может, мы сможем поработать вместе? Если ты обещаешь больше не бить меня.

– С удовольствием, – поспешила сказать Лина, прежде чем Бобби успела даже открыть рот. – Нам может понадобится любая поддержка. Нам нужно на третий этаж.

Втайне Лина благодарил небеса за то, что они послали Йонаса ей на помощь. Ей нужно было выиграть время. Время подумать. Время, чтобы придумать стратегию и историю, которая была бы правдоподобной и выдержала бы натиск критического мышления Бобби. Лина была бесконечно рада уклониться от насущных вопросов подруги. С энтузиазмом она бросилась к лифту вместе с Йонасом. Обернувшись, она заметила, что Бобби отстала и внимательно изучает групповую фотографию с Венделином Веннингером, словно хочет запомнить каждую деталь. Очевидно, она искала какие-то намеки на то, что так расстроило Лину.

Лина нажала на кнопку в лифте, Йонас остановился в проходе.

– Ты идешь, Бобби? – воскликнул он.

Бобби сфотографировала с помощью мобильного телефона групповой портрет, когда госпожа Айзерманн обратилась к ней.

– Бобби, хорошо, что я тебя встретила. Не хочешь заняться болезнями? Никто этим не интересуется.

– У меня уже есть группа, – сказала Бобби.

– Ничего страшного, – ответила госпожа Айзерманн, глядя на Йонаса и Лину. – В любом случае даже лучше, если будешь работать сама. Пусть другие тоже получат возможность внести свой вклад.

Не дожидаясь возражений Бобби, она вырвала лист с заданием из рук Бобби и снабдила ее новым.

– Можете не ждать, – крикнула госпожа Айзерманн Йонасу и Лине.

Еще до того, как Лина успела ответить, Йонас отошел назад. Двери лифта закрылись. Последнее, что увидела Лина, было несчастное выражение лица Бобби.

14

Чародей Кинг

Лина чувствовала себя ужасно. В зеркальном лифте она задумчиво рассматривала собственное лицо. Заметила усталость в глазах. И нерешительный взгляд Йонаса. Впервые с тех пор, как они вместе ездили на велосипеде, они были одни. Неловкость заполнила пространство.

– Давненько с тобой не болтали, – застенчиво сказал Йонас.

Лина поняла, к чему он клонит. Она не ответила ни на одно его сообщение с момента чемпионата. Она просто не знала, действительно ли ей хочется пойти с ним на свидание.

– Нет времени, – уклончиво сказала она.

Запертые в ограниченном пространстве, они не знали, как вести себя друг с другом. Йонас просматривал экран мобильного, Лина пялилась в пустоту. Она с облегчением вздохнула, когда двери на третьем этаже распахнулись. Ее жизнь была достаточно сложной.

Пошатываясь, она вошла в первую комнату, помеченную как «*Гостиная семьи Веннингеров 1875 года*». Выставка, посвященная быту на третьем этаже городского музея, финансируемая щедрым пожертвованием восьмидесятилетнего Венделина Веннингера, состояла из реконструированных залов, где куклы в натуральную величину таинственного совершенства должны были воплотить максимально достоверную картину жизни прошлых веков. В комнатах была особая атмосфера. Сквозь зарешеченные окна блеклый свет просачивался в отделанную деревянными панелями комнату, служившую одновременно гостиной, столовой и спальней. Вокруг простого деревянного стола, на деревянных стульях рядом с зеленой мерцающей изразцовой печью, были расставлены куклы. Восковые фигуры выглядели как настоящие люди, которых, словно спящих красавиц, после укола веретеном поразило заклинание, погрузившее их в столетний сон.

Йонас молча указал большим пальцем на кровать, устроенную в каком-то шкафу. «*Альков*», – прочитала Лина на табличке рядом с кроватью. За задернутой занавеской слышалось ровное дыхание человека. Осторожно Лина отодвинула материал немного в сторону. Сквозь крошечный зазор она увидела поразительно светлую шевелюру на пухлой подушке. Одеяло плавно поднималось и опускалось. Лина уставилась на белые волосы, словно парализованная. «*Трогать запрещено*», – предупреждала еще одна пожелтевшая табличка на стене. Лина осторожно протянула руку, ее пальцы коснулись покрывала, которое было своеобразно шершавым и жестким на ощупь. Она почувствовала, как Йонас шагнул к ней и с любопытством заглянул ей через плечо.

Рывком Лина откинула одеяло. И громко рассмеялась. Безликая восковая голова, водруженная на полуразвалившееся тело без ног и рук, лежала под одеялом. Звуки доносились из магнитной ленты. Механизм куклы, как прочитала Лина, был разработан под вдохновением от работы известного современника: часовщика Станислава Кинга.

Кинга?

Одно только имя вызвало у Лины холодную дрожь.

– По-моему, Веннингер развлекался тем, что пугал людей, – сказал Йонас, глядя на жуткое туловище.

Сначала фотография, потом кукла, похожая на Данте, а теперь намек на Кинга. Как странно! Лина торопливо натянула покрывало на поролонового монстра, словно могла наложить на него заклятие.

– Мне всегда казалось, что фигура на фонтане зловещая, – сказал Йонас.

Пока Йонас продолжал осматриваться, Лина остановилась. Откуда-то до ее уха доносилась тихая музыка. Ошеломленная, она узнала мелодию музыкальной игрушки. Ее музы-

кальной игрушки. Магические звуки, знакомые ей с детства, буквально тянули ее пройти в соседнюю комнату. Дальше от группы, дальше от Йонаса. Неуверенно ступая, она двинулась туда, навстречу странному чудесному звуку. Откуда доносилась музыка? Вместо того чтобы продолжать следовать вдоль голубой линии, которая вела к быту, она свернула в боковое крыло музея. Зеленая линия провела Лину мимо с любовью оформленных витрин со старыми детскими игрушками. Глиняные животные эпохи Средневековья, деревянные игрушки XVII века, роскошные кукольные домики с мебелью эпохи грюндерства⁶, красиво украшенная лошадка-качалка, домашние мраморные шарики из глины, жестяные игрушки, шары из мочала, даже резные деревянные волчки, лошадки-скакалки, барабаны: Лина не сводила глаз с того, что раньше увлекало детей. Словно кукла с дистанционным управлением, она двигалась все дальше и дальше.

Перед ней появилась раскрытая полукруглая пасть гиганта, обозначающая проход в темный коридор. Мигающие красные глаза уставились на нее, зубы, вырезанные из войлока, бесшумно двигались. Две огромные руки с движущимися пальцами грозили схватить ее в любой момент. Отслаивающиеся буквы показывали, что помещение, отгороженное досками, когда-то было фасадом выставочного центра. «*Чародей Кинг приглашает внутрь*». Кинг? Опять? Такое совпадение невозможно. Казалось, что весь музей представляет собой единственную сноску к ее собственной истории.

Внезапно музыка прекратилась. Лишь тихое тиканье измерителя влажности все еще раздавалось в выставочном зале. Она слышала, как где-то далеко ее одноклассники носятся по коридорам. Нерешительно Лина вошла в пасть зловещей фигуры. Великан словно хотел проглотить ее. Одно движение вправо заставило ее вздрогнуть. Ей понадобилась секунда, чтобы осознать, что она увидела только саму себя. Несколько искажающих зеркал отражали ее изображение иногда сжато, иногда вытянуто. Лина облегченно рассмеялась. Изогнутыми зеркалами можно было произвести впечатление на человека, жившего, возможно, лет сто назад, но не на девушку из XXI века.

В конце коридора открылась автоматическая раздвижная дверь в следующее помещение. Едва Лина вышла из коридора, свет погас. За спиной раздался адский крик. Вспыхнул прожектор, осветив украшенный замысловатой резьбой орган, который, казалось, едва не разваливался на части от тяжести украшений. Вывеска гласила, что раньше он являлся частью карусели. Каждая свободная часть дерева была покрыта резьбой и отделкой. Вокруг сияли золотые, серебряные и перламутровые украшения. В центре органа, контролируемого толстой картонной полоской с бесчисленными отверстиями, бодро музицировал крошечный военный оркестр. Грохот, раскаты грома, топот, рев и звуки тромбонов были такими оглушительными, что под Линой вибрировал пол. Над миниатюрными музыкантами в такт музыке кивали толстые деревянные фигурки ангелов. Они играли на маленьких деревянных скрипках, перелезая с левой на правую сторону, прежде чем исчезнуть через створчатую дверь. С последним ангелом свет медленно погас. Искусственная луна вошла на вершину изогнутой деревянной конструкции. Вспыхнули блестящие звезды. Скрипнула потайная дверь. Сова, состоящая из тысячи шестеренок, запорхала. Все в сове, казалось, двигалось, как в гигантском часовом механизме.

Лина сразу узнала ее. Похожая сова красовалась на двери заброшенного часового завода, образующего портал между ее миром и Невидимым городом. С появлением птицы снова зазвучала мелодия ее детства. Еще до того, как она успела понять, как все это связано, представление закончилось. Со скрипом сова вернулась назад. Дверь за ней закрылась. Прожектор над органом погас. Единственное, что еще освещало нишу, – это свет от цифровых часов, веду-

⁶ Эпоха грюндерства – период в экономическом развитии Германии и Австро-Венгрии в XIX веке до экономического кризиса 1873 года.

щих обратный отсчет: «*Следующая демонстрация ярмарочного органа⁷ Кинга через 07.59 минут*».

Одновременно в соседней комнате зажегся свет, чтобы посетители могли быстро перейти из одной комнаты в другую. Все еще ошеломленная загадочными происшествиями и дрожащим органом, она двинулась дальше. Обернувшись, Лина заметила, что цифровой индикатор обратного отсчета безумно мигает. Время прыгало туда-сюда. 06.34, 01.18, 07.24.

Лина точно знала, что это означает: она больше не одна.

⁷ Ярмарочный орган – механический инструмент, близкий оркестриону, для увеселения публики во время катания на карусели и прочих аттракционах.

15

Вполне логично

Что теперь? Бобби грустно бродила по заброшенному подвальному этажу, где находилось отделение медицины. С седьмого класса она делилась с Линой всем: школьными бутербродами, домашними заданиями, проблемами с родителями, надеждами, сомнениями, свитерами и действительно неловкими моментами в жизни. Лина была единственной, кому она могла доверить свои секреты. Теперь она не узнавала подругу. Новая Лина была нервной, раздражительной, отстраненной и постоянно оглядывалась по сторонам, словно в любой момент ожидала нападения из засады. Даже голос ее казался другим. Она говорила слишком звонко и слишком быстро. А теперь Лина просто бросила ее и решила работать в группе с Йонасом. Из всех людей именно с Йонасом.

Вместо того чтобы заняться медициной, Бобби свернула налево. Табличка на входе предупреждала, что чувствительным лицам, беременным женщинам и детям в возрасте до 16 лет следует воздержаться от посещения частной коллекции Венделина Веннингера. Над дверью золотыми буквами красовалась цитата легендарного основателя компании: *«Лишь тот, кто раскрывает объятия смерти, достигает бессмертия»*.

Бобби часто посещала эти залы вместе с родителями. Она любила царственную тишину и мрачность этой выставки. Благоговейно она вошла в тускло освещенный зал. Тяжелые витринные шкафы из темного крашеного дерева, потемневшие за десятилетия почти до черноты, едва выделялись на фоне темно-серых стен. Оранжево-красный свет освещал тысячи банок, в которых хранились анатомические экспонаты в формалине. Рукописные этикетки раскрывали не только латинские технические термины, но и имя нашедшего и дату, когда экземпляр вошел в коллекцию. Здесь можно было изучить развитие эмбриона, восхититься внутренними органами, познакомиться с человеческим черепом и скелетом. Дальнейшие пояснения к экспонатам отсутствовали. А для чего? В этом зале ужаса задерживались самые немногочисленные посетители музея.

Здесь никто не мешал Бобби размышлять. Из-за бесчисленных стекол на нее пялились уродливые существа, которые, казалось, были родом с далекой планеты. Венделин Веннингер, изучая тело, пытался разгадать тайну бессмертия. Бобби принялась разгадывать секреты Лины. Она забилась в угол, достала телефон и осмотрела фотографию, из-за которой так нервничалась подруга. Что было такого интересного в этом групповом снимке Веннингера и его сотрудников? Но было что-то странное. Она могла поклясться, что только что заметила на заднем плане стройную фигуру в черном плаще. Ошиблась ли она?

Бобби вытащила свой блокнот. Она вела тетради на разные темы, потому что в ее жизни было много вещей, которые не имели смысла. Бобби перелистнула новую страницу и начала записывать то, что ей удалось подметить. Ее ручка буквально неслась по бумаге.

1. Почему Лину больше не интересуют часы?
2. Почему она выглядит такой подавленной?
3. Откуда взялся свежий шрам на запястье?
4. Почему Лина так напугана?
5. Где Отто?

Вопрос номер пять оставался единственной загадкой. Главным образом потому, что ее мать утверждала, что не помнит ее любимую потрепанную тряпичную собаку.

– У тебя никогда не было мягких игрушек, – утверждала она. – Тебе, должно быть, это приснилось.

В последнее время у Бобби среди бела дня были видения: о мягких игрушках, о деталях на фотографиях, о ночных прогулках с Йонасом. Энергично зачеркнув вопросы один – четыре, она обвела имя Отто. Позже она будет думать над этой головоломкой. На остальные четыре вопроса был только один логичный ответ. У нее как будто завеса с глаз спала. Бобби чувствовала себя виноватой за то, что была так опрометчива. Она была так занята собой и своими странными изменениями, что упустила из виду очевидное: Лина больше не интересовалась хронометром, потому что давно поняла, что это за часы. И то, что она узнала, так напугало ее, что она не осмеливалась говорить об этом. Бобби вскочила. В чем заключался интерес Веннингера и его поиски панацеи от всех болезней этого мира? Почему она не поняла этого раньше?

Возможно, Лина в опасности. Возможно, Лине нужна ее помощь.

16

Мир механических чудес

– Данте? – прошептала Лина в темной комнате. – Это ты? Ты здесь?

Ее хронометр впервые за несколько дней излучал световые сигналы. Циферблат вспыхнул красным, стрелка вращалась, прежде чем вернуться в исходное положение. Она поняла, что произошло. Это Данте. Это должен быть Данте. Она знала, как искусны путешественники во времени, когда дело доходит до укрытия от любопытных глаз. Что за игру он затеял? Время вышло из-под контроля, как и во время гандбола. За спиной у Лины внезапно загремел ярмарочный орган. Фигурки ангелов летали по кругу как безумные. Все музыканты играли одновременно, не исполнив ни одной путной мелодии. Машина вышла из строя, лопнула, звякнула и заревела. Как будто комната была заколдована.

– Данте, – позвала она. – Я знаю, что это ты.

В этом она была уже не так уверена.

Она побежала в соседний зал. Не успев войти, она тут же наткнулась на пронзительные светло-голубые глаза Гарри Кинга. Лина чуть не умерла от ужаса. Прошло мгновение, прежде чем она поняла, что это слегка потрепанная кукла, одетая целиком и полностью по моде давно минувших дней: на ней был легкий длинный пиджак до колен, белый жилет, широкие светлые брюки со стрелками и рубашка с высоким воротником с галстуком-бабочкой. «*Станислав Кинг, легендарный часовщик, производитель машин и чародей, – гласила надпись. – 1865–1904*». Лина подошла ближе к жутковатой кукле, так неприятно напоминавшей ей ее противника. Фальшивые масляные лампы мерцали, гоня демонические тени по его лицу. В полумраке он казался до жути реалистичным. Он был похож на пугающего призрака, который в любую минуту мог наброситься на нее. Задрожала верхняя губа? Моргнули веки? Замерцали глаза? Под ярко-белым жилетом задвигался живот? В этот момент голова повернулась к ней. Лина вздрогнула.

– Подходите ближе, входите внутрь, – раздался холодный голос из динамика в животе фигуры. – Добро пожаловать в мир механических чудес.

Хотя нижняя челюсть фигуры резко открывалась и закрывалась, она странным образом казалась живой.

– Добро пожаловать в мир иллюзий, – голос казался профессионально волнительным. – Входите внутрь. Подходите ближе. Позвольте мне вас очаровать.

Нижняя челюсть защелкнулась, кукла застыла. Конечности еще немного дрожали, пока искусственное существо снова не погрузилось в какую-то мертвенную неподвижность. Лина ахнула. Она отступила на шаг и только теперь заметила остальную часть комнаты. Коллекция специальных часов на стенах, старинные инструменты, массивный рабочий стол, валяющиеся повсюду часовые механизмы, спирали, шестеренки, старая тетрадь с логотипом часового завода «Клок», чертежи на стенах – Лина слишком хорошо узнавала выставленные предметы. Все эти предметы она уже видела раньше. В фургоне Гарри Кинга. Охранник основывал свои собственные исследования на записях, которые оставил ему его предок. Как вещи попали в музей? Не хватало только современных средств, таких как компьютеры, мониторы, принтеры и приборы наблюдения, с которыми работал охранник. Она прочитала табличку рядом с проходом, через который пришла. «*Мастерская Станислава Кинга, дар семьи, 2018*». Дар семьи? 2018? В голове Лины хор голосов перерос в большой концерт. Все вопросы, которые она пыталась отбросить после возвращения к прежней жизни, со всей силы ворвались в сознание. Она снова увидела перед собой картинки. Задание в вечер святого Николая в детском саду Бобби,

Кинг, преследовавший ее, Кинг, выбежавший на улицу. А потом ничего. Почему в тот вечер автобус не сбил Кинга? Удалось ли ему сбежать?

Все эти вещи когда-то принадлежали Гарри Кингу. Гарри Кингу, который бесследно исчез много лет назад.

С любопытством она склонилась над витриной, где были выставлены попытки «Чародея Кинга» изготовить аппарат, с помощью которого можно было путешествовать во времени. Вероятно, никто из посетителей музея, рассматривавших эти объекты, даже отдаленно не подозревал, что они из себя представляют. Но Лина слишком хорошо была знакома с экспонатами: циферблат со спиралью, восемь цифр, восемь кнопок сбоку – в витрине лежала, воссозданная из простых материалов, точная копия хронометра, который она сама носила на запястье. Самое странное было то, что она почувствовала, как хронометр на ее запястье стал горячим, как будто активизировались его магические силы. Под рукавом свитера она заметила, как вспыхнул красный огонек. При этом она не коснулась ни одной из кнопок. Испуганно она оглянулась вокруг. Когда она снова взглянула в витрину, ей показалось, что стрелки выставленных часов двинулись дальше. Чародей Кинг, используя свои часовые механизмы, заставлял работать не только фигуры ярмарочного органа, но и заставлял звучать свой часовой механизм. Видимо, он был на пути к созданию работающего хронометра. Только Лина хотела засучить рукав, чтобы проверить, действительно ли два прибора контактировали друг с другом, как заметила какое-то движение сквозь стеклянный шкаф, стоящий напротив нее. Смутное отражение показало приближающуюся тень. Лина низко склонилась над витриной и сделала вид, что внимательно рассматривает ее содержимое. Она слишком отчетливо ощущала угрозу из-за спины, слышала тихий скрип подошвы по полу, тихо ступающие ноги. У обычных посетителей музея не было причин так себя вести. Кто бы ни находился за ней, он явно пришел не с добрыми намерениями. Громко вскрикнув, она обернулась и заглянула в зал. Никого. Ни души. Но так быстро никто не мог исчезнуть!

Ее голос отозвался эхом. Ничего не произошло. Кто-то пытался испугать ее все это время. Она почувствовала, как в ней медленно закипает гнев. Ее мать постоянно была в бегах и при этом была смертельно несчастна. С Линой этого не случится. Она больше не даст себя запутать, девушка была твердо уверена, что столкнется со своими преследователями лицом к лицу.

– Здравствуйте, – позвала она. – Давайте поговорим. Я готова.

Тишина.

– Давайте же, – воскликнула она. – У меня мало времени.

В этот момент прожектор с громким треском лопнул. Брызнули искры, на нее дождем посыпались осколки стекла.

– Ну же, – крикнула она в темноту. – Доверьтесь мне.

Она отступила на шаг назад, когда ее спина врезалась в кого-то. Она почувствовала ладонь, руку, теплое тело. Обернувшись, она в полумраке узнала смущенное лицо. Оно принадлежало Бобби.

– Прости меня, – сказала она.

В этот момент Лина приняла решение. Так больше не может продолжаться. Пора менять тактику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.